

НЕ ГОВОРИ МОЕМУ МУЖУ



МАРК ВЕЛЬСКИЙ

18+

Марк Вельский

Не говори моему мужу

<https://litres.ru/74674388>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Анны есть всё, о чём мечтают другие женщины: богатый муж, роскошная квартира и жизнь без забот. Только любви в этой жизни давно нет.

Одна случайная встреча меняет всё. Роман — мужчина, рядом с которым Анна впервые за много лет чувствует себя желанной. Их тайные свидания превращаются в опасную страсть, ради которой она готова разрушить свой брак.

Но однажды Анна обнаруживает в квартире любовника тело убитой женщины.

А на следующее утро получает сообщение:

«Твой муж знает, с кем ты спишь. Но ты даже не представляешь, с кем спит он».

Теперь Анна оказывается в центре расследования убийства, где у каждого есть свои секреты. Чем ближе она подбираться к правде, тем яснее понимает: кто-то заранее превратил её запретную любовь в смертельную ловушку.

Когда изменяют все, кому можно доверять? И насколько далеко можно зайти ради любви?

Откровенный любовный триллер о страсти, предательстве, ревности и тайнах, за которые приходится платить слишком высокую цену.

Содержание

Глава 1. Женщина на полу	5
Глава 2. Мужчина у окна	17
Глава 3. Чужая кровь	30
Глава 4. Ещё один бокал	45
Глава 5. Аноним	58
Глава 6. Первая ночь	74
Глава 7. Человек, который знал слишком много	91
Глава 8. Последний спокойный вечер	102
Глава 9. Я всё знаю	117
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Марк Вельский

Не говори моему мужу

Глава 1. Женщина на полу

Дверь оказалась незапертой.

Анна поняла это не сразу. Привычным движением достала из сумки ключ, поднесла к замочной скважине — и только тогда заметила, что дверь подалась под ладонью. Она осталась на пороге, прислушалась.

В квартире было тихо.

Не та приятная тишина, которая иногда встречает человека дома, а другая, неприятная, словно в комнате кто-то только что закончил разговор на повышенных тонах и теперь ждёт, когда уйдёт случайный свидетель.

— Ром?

Ответа не последовало.

Она посмотрела на экран телефона: 20:42. Договорились встретиться к девяти. Роман ещё мог задерживаться. Анна приехала раньше, потому что не захотела провести лишние двадцать минут в машине, выдумывая оправдания своему отсутствию дома. Муж был на деловом приёме. У неё осталось несколько часов, за которые она собиралась сказать вслух то, о чём думала последние три дня.

«Я больше так не могу».

В зависимости от того, кому предназначались эти слова, они означали две совершенно разные вещи.

В прихожей горел свет. На узкой консоли лежала раскрытая пачка бумажных салфеток. Чуть дальше — чужая бежевая перчатка, тонкая, женская. Анна никогда не видела её раньше.

Она сняла одну туфлю, потом передумала. В квартире стоял странный металлический запах, едва заметный под ароматом кофе.

— Роман, ты здесь?

Из комнаты доносилось монотонное жужжание. Анна сделала несколько шагов по коридору и увидела, что робот-пылесос упёрся в ножку журнального стола. Он безуспешно пытался объехать препятствие, отъезжал на ладонь и снова возвращался.

Анна хотела улыбнуться — Роман постоянно забывал отключать эту нелепую машину, — но взгляд скользнул ниже.

На светлом паркете лежала женщина.

Первой Анна заметила её руку. Тонкие пальцы с короткими тёмными ногтями, раскрытая ладонь, часы со стальным браслетом. Затем увидела волосы, разбросанные по полу, неподвижное лицо, неестественно вывернутое плечо. Рядом валялась настольная лампа с треснувшим абажуром.

На мгновение Анну озадачила ещё одна деталь: почему именно эта лампа? Она увидела белую полосу на треснув-

шем абажуре, похожую на след от упаковочной ленты, и тут же забыла о ней. В комнате лежала женщина, которой, возможно, ещё можно было помочь. Любые мысли о мебели сейчас казались невыносимо неуместными.

Тёмное пятно у головы казалось почти чёрным.

Анна застыла. За одну долгую секунду она успела подумать, что женщина пьяна, что упала, что ей надо помочь, что сейчас та повернётся и спросит, почему незнакомка стоит над ней.

Ничего не произошло.

— Господи...

Она приблизилась, стараясь не наступить на осколки. Присела на корточки. Женщина была старше неё, примерно сорока лет. Лицо Анна видела впервые.

— Вы меня слышите?

Тишина.

Она наклонилась ближе, пытаясь уловить дыхание, и тут заметила кровь на волосах. Много крови. Слишком много.

Руки сами потянулись к телефону.

— Сто двенадцать, — произнесла Анна в пустую комнату, словно проверяя, помнит ли номер.

Диспетчер ответила быстро. Анна назвала адрес, этаж, номер квартиры. Голос показался ей неожиданно чужим, деловым. В вопрос, в сознании ли пострадавшая, она сказала:

— Нет. Я не знаю. Она не двигается. Возле головы кровь.

— Вы проверяли дыхание?

— Я... кажется, нет.

Женщина на другом конце линии спокойно объяснила, что делать, и попросила не прерывать вызов. Анна придвинулась ближе, убедилась, что дыхания не слышит и не видит, и сообщила об этом. Выполняя указания, осторожно повернула пострадавшую на спину и начала делать непрямой массаж сердца, несмотря на то что рана на голове выглядела ужасно. От усилия дрожали руки. Она сбилась со счёта дважды. Диспетчер возвращала её к ритму, считала вместе с ней.

На пятом или шестом цикле Анне стало казаться, что она давит не на человеческую грудную клетку, а на предмет, который уже не может откликнуться.

Когда в дверь постучали, она не сразу услышала.

Дальше всё происходило одновременно и отдельно: в квартире появились медики, мужчина в синей куртке попросил отойти, кто-то сказал «фиксируем время», другой голос сообщил, что необходима полиция. Анну отвели в кухню и усадили на табурет. Она обнаружила на ладонях кровь и принялась тереть их бумажным полотенцем, пока тонкая бумага не разорвалась.

— Руки пока не мойте, — сказал вошедший молодой полицейский. — Пожалуйста. Нам нужно зафиксировать следы.

Она подняла на него глаза.

— Я помогала. Мне сказали... По телефону сказали де-

лать массаж.

— Я понял. Вы всё правильно объясните следователю.

— Она умерла?

Он замялся, и этого оказалось достаточно.

В коридоре раздались быстрые шаги. Мужской голос спросил, что произошло. Анна узнала его раньше, чем увидела человека.

— Где Анна?

Роман появился в дверном проёме кухни. На нём было тёмное пальто, под которым виднелась белая рубашка без галстука. В руке он держал папку, и первое мгновение Анна почему-то смотрела именно на неё: плотный серый картон, замятый угол, резинка через середину.

— Ром, — выдохнула она.

Он шагнул к ней, но полицейский поднял руку.

— Подождите. Вы хозяин квартиры?

— Я снимаю её. Что случилось?

Роман посмотрел через плечо сотрудника в сторону гостиной. Лицо его изменилось не сразу — как будто увиденное не помещалось в привычные слова.

— Ирина? — тихо спросил он.

Анна поднялась.

— Ты её знаешь?

Роман не ответил. Он попытался пройти мимо полицейского, но тот остановил его уже жёстче.

— На место происшествия сейчас нельзя.

— Это Ирина Мальцева?

— Откуда вам известно её имя?

Роман медленно опустил папку.

— Она должна была быть здесь. Мы работали вместе.

Полицейский предложил ему остаться в прихожей до приезда следственно-оперативной группы. Анна стояла у стола, чувствуя, как по коже остывает чужая кровь. Ей хотелось, чтобы Роман посмотрел на неё. Он не смотрел.

Между ними было несколько метров, но впервые за все дни знакомства ей показалось, что они вообще незнакомы.

Медики работали так слаженно, что Анне стало стыдно за собственную беспомощность. Один из них достал из кармана тонкие перчатки, другой попросил сотрудника полиции не загораживать дверной проём. Никто не говорил громко. Она почему-то ожидала шума, приказов, драматических слов, которые соответствовали бы тому, что случилось. Вместо этого слышала шелест упаковки и короткие, понятные только им фразы.

— Вам плохо? — спросила женщина в форме, оказавшаяся рядом.

— Я не знаю.

— У вас кровь на рукаве. Это не ваша?

Анна посмотрела на светлую манжету. Раньше она любила эту блузку. Теперь невозможно было представить, что её можно выстирать и снова надеть на работу.

— Нет. Я пыталась помочь.

— Присядьте здесь. Только ничего пока не трогайте, хорошо?

Анна послушно села на узкую скамью в прихожей. В полированной поверхности шкафа отражалось её лицо, и отражение показалось чужим: влажные волосы у висков, широко открытые глаза, странно приподнятые плечи. Она медленно опустила их. Не помогло.

Дверь квартиры оставили приоткрытой. С лестничной площадки доносились шаги, звук лифта и совершенно обычное: «На какой этаж вам?» Анна не сразу поняла, что это соседка спрашивает курьера. Кто-то за дверью раздражённо заметил, что подъезд опять перекрыли. От этой фразы хотелось закричать: здесь умер человек, неужели вы ничего не понимаете? Но именно соседка не могла знать ни того, кто лежит на полу, ни того, что случилось за несколько минут до приезда Анны.

Молодой полицейский встал у входа. Он не задавал ей вопросов о личной жизни и не смотрел с осуждением. Только спросил, есть ли у неё удостоверение личности.

— В сумке, — сказала Анна.

— Покажите, где она стоит. Пока не доставайте сами.

Сумка осталась на стуле у кухни. Анна указала на неё, чувствуя себя ребёнком, которому запрещают подходить к собственным вещам. Полицейский позвал коллегу, и тот аккуратно переписал сведения из документа после того, как осмотр разрешили.

— Вы встречали эту женщину раньше? — спросил молодой сотрудник.

— Нет. Никогда. Я подумала... Сначала подумала, что это кто-то из знакомых Романа.

— А он где находился, когда вы приехали?

— Я не знаю. Мы договорились на девять. Я приехала раньше.

— Зачем?

Она вскинула голову. Вопрос был совершенно естественным. И всё равно в нём слышалось то, что она не хотела проносить при посторонних: приехала, потому что весь день ждала встречи с человеком, который не был её мужем.

— Хотела поговорить с ним, — ответила она. — Лично.

Сотрудник ничего не сказал. Попросил лишь вспомнить, не заметила ли она у дома незнакомых машин или людей, торопливо выходивших из подъезда. Анна попыталась восстановить дорогу от парковки. Красный зонтик у остановки. Женщина с собакой. Молодой человек с наушниками возле входа. Лиц не запомнила, во сколько это было — тоже. Только зелёную цифру на лифтовом табло: пять.

— Не додумывайте, — предупредил полицейский, заметив, что она торопливо перечисляет детали. — Если не уверены, так и говорите.

Это оказалось труднее всего. Анна годами привыкала давать уверенные ответы клиентам: краска будет светлее при дневном освещении, мебель войдёт, срок выдержим. Даже

когда сомневалась, её голос звучал надёжно. Сейчас единственным честным ответом почти на каждый вопрос было «не знаю».

Она услышала собственное дыхание. В квартире, где ещё утром люди, вероятно, пили кофе и складывали бумаги, теперь каждый предмет мог стать доказательством. Анна посмотрела на свою единственную снятую туфлю, оставленную у коврика, и вдруг подумала, что эту нелепую подробность ей тоже придётся объяснять.

— Когда я вошла, свет горел, — произнесла она. — И пылесос работал. Я ничего не выключала.

— Хорошо, — сказал сотрудник. — Это зафиксируют.

Его спокойствие не обещало, что всё закончится благополучно. Но впервые с момента, когда она увидела женщину на полу, Анна почувствовала, что от неё не требуют невозможного: ни найти убийцу, ни объяснить смерть, ни немедленно стать сильнее, чем она была. Требовалось только вспомнить и сказать правду.

Через полчаса приехала женщина в сером брючном костюме. Невысокая, с собранными волосами и лицом человека, который давно не ждёт от мира хороших сюрпризов. Она представилась следователем Марией Сергеевной Громовой.

Разговаривала негромко, почти мягко. От этого вопросы звучали ещё отчётливее.

— Вы прибыли в двадцать сорок две? Это подтверждается записью домофона?

— Наверное. Я посмотрела на часы уже внутри.

— Дверь была открыта?

— Не заперта. Я хотела воспользоваться своим ключом, но она сама подалась.

— Ключ от квартиры у вас собственный?

— Да.

— Кто вам его дал?

Анна почувствовала, как поднимается жар к щекам.

— Роман.

Громова не сделала ни пометки, ни выразительного жеста.

— В каких вы отношениях с Романом Берестовым?

Вот оно. Простое предложение, после которого нельзя будет вернуться туда, где всё оставалось тайной.

Анна увидела свою сумку на стуле. На молнии висел маленький кожаный брелок — подарок мужа из поездки в Италию. Анна сама выбрала тогда цвет, тёмно-красный. Глеб рассмеялся: «Ты у меня всегда знаешь, чего хочешь».

Она открыла рот и не смогла произнести ни слова.

— Анна, — спокойно сказала Громова. — Сейчас мне неважно, кто о чём узнает. Мне важно, кто мог войти сюда до вас.

Анна сглотнула.

— Мы встречаемся.

— Как давно?

— Меньше месяца.

— У вас близкие отношения?

Она кивнула.

— Мне нужен устный ответ.

— Да.

Громова записала что-то в блокнот.

— Ваш супруг знает?

— Нет, — ответила Анна, и это было первое, в чём она вдруг перестала быть уверена.

К половине одиннадцатого её попросили поехать в отдел для более подробного опроса. Прежде чем выйти, Анна увидела Романа в конце коридора. Он сидел на подоконнике, ссутулившись, и обеими руками держал папку. За его спиной отражались синие огни служебных машин.

Он наконец поднял голову.

— Аня, послушай...

— Не сейчас, — остановила его Громова. — Вы ещё поговорите.

Анна прошла мимо, не уверенная, что хочет этого разговора.

Уже на лестнице телефон завибрировал. На экране высветилось «Глеб».

Она смотрела на имя, пока звонок не оборвался.

Почти сразу пришло сообщение:

«Ты где? Я вернулся. Дома тебя нет».

Анна набрала: «У Леры». Стерла. Написала: «Задержалась на работе». Снова стерла.

За дверью подъезда пахло мокрыми листьями и холодным

выхлопом. В темноте мигала аварийная сигнализация машины скорой помощи.

Анна не ответила мужу.

Впервые за десять лет брака она не могла придумать ложь, которая спасла бы хотя бы сегодняшнюю ночь.

Глава 2. Мужчина у окна

За двадцать семь дней до смерти Ирины

В галерее пахло свежей краской, шампанским и цветами, которые привезли за час до открытия и успели поставить в неправильные вазы.

Анна поправила одну из них сама.

— Если ты ещё раз передвинешь эти пионы, я тебя привяжу к колонне, — сказала Лера.

— Их поставили под прямым светом. Через час они обвиснут.

— Значит, будут выглядеть концептуально. Это выставка современного искусства, здесь всё можно назвать концепцией.

Лера Захарова была единственным человеком, который разговаривал с Анной одинаково и в присутствии клиентов, и наедине. Они вместе открыли студию «Лаврова и Захарова» пять лет назад, когда у Анны ещё хватало смелости считать собственные решения важнее мнения Глеба.

Сегодня открывалась галерея на Пятницкой. Полгода работы, сорванные сроки поставок, нервные подрядчики, дважды переделанное освещение. Наконец всё стояло на своих местах: светлые стены, тёмный дуб, тонкая латунь и пространство, которому не требовалось демонстрировать свою дороговизну.

Анна любила моменты, когда работа заканчивалась и можно было хотя бы на вечер увидеть то, ради чего всё затевалось.

— Глеб будет? — спросила Лера, когда к ним подошёл официант с бокалами.

— Обещал.

— То есть нет.

— Лера.

— Я ничего не сказала.

Она действительно не сказала. Но Анна слышала продолжение так отчётливо, будто подруга произнесла его вслух.

Глеб не пришёл ни на открытие студии, ни на её первую крупную премию, ни на день рождения Леры, хотя та приглашала их обоих. В последний момент всегда находились встречи, переговоры, перелёты. Анна научилась делать вид, что не замечает закономерности.

За три дня до открытия директор галереи предложил сэкономить на подсветке. Он произнёс это тем тоном, которым люди, привыкшие распоряжаться чужим временем, говорят о несущественных вещах: уберём два светильника, кто вообще заметит разницу. Анна помнила, что за этими светильниками должны были висеть маленькие работы художницы, которая впервые выставлялась одна. Её картины не кричали с расстояния. Чтобы увидеть на них тонкие красные линии, зрителю следовало приблизиться почти вплотную.

— Разницу заметит автор, — ответила Анна.

— Автор уже получила площадку. Это немало.

Она могла согласиться. Подписанный договор защищал студию только от крупных изменений, а из-за двух светильников никто не стал бы обращаться в суд. Но Анна позволила художнице, попросила разрешения показать директору фотографию картины при другом освещении и провела для него короткую демонстрацию прямо в недостроенном зале. Под холодным верхним светом красные линии действительно исчезали. Под направленным тёплым — начинали складываться в силуэт человека.

Директор смотрел на картину дольше, чем Анна ожидала.

— Вы хотите сказать, что без ваших ламп здесь почти ничего нет?

— Я хочу сказать, что нельзя два месяца обсуждать, как показать работу, а потом в последний момент решить, что художник потерпит.

Он усмехнулся. Светильники оставили. Возвращаясь в студию, Анна с удивлением обнаружила, что спор не испортил ей настроения: напротив, появилась лёгкость человека, который сделал именно то, что должен. Она рассказала об этом Глебу за ужином. Тот выслушал, не отрываясь от телефона.

— Ты тратишь слишком много сил на мелочи. Надо было уступить, а потом выставить дополнительные работы отдельной строкой.

— Это не дополнительные работы. Это то, ради чего всё

затевалось.

— Ань, я не спорю. Только у тебя иногда принципы дороже прибыли.

Тогда она не ответила. Слова показались обычным несопадением взглядов: он занимался крупными объектами, она — помещениями, где люди выбирали стул под рост ребёнка и цвет стены под послеполуденное солнце. Ей хотелось верить, что разные масштабы не означают разных представлений о честности.

Теперь, стоя перед той самой картиной, Анна видела, как посетители наклоняются к ней, чтобы рассмотреть красные линии. Художница, невысокая девушка в широком пиджаке, подошла и тихо сказала:

— Спасибо, что тогда настояли на своём. Я думала, вы откажетесь от проекта из-за моей просьбы.

— Наоборот. Иногда стоит спорить именно ради маленького.

Девушка улыбнулась и ушла к первым гостям. Анна смотрела ей вслед, пока из-за колонны не появилась Лера. Та держала планшет со списком приглашённых и дважды перечёркнутую фамилию поставщика.

— Не вздумай сейчас переживать из-за того, что Глеб не приехал, — сказала Лера, перехватив её взгляд на вход. — Здесь есть как минимум один человек, который видит, сколько ты сделала.

— Художница?

— Я, дура. Я тоже человек.

Анна рассмеялась. Она была благодарна подруге и в то же время ловила себя на том, что по-прежнему ждёт знакомого высокого мужчину в тёмном пальто. Хотела бы всего на минуту увидеть, как он подходит к картине, спрашивает, почему именно здесь свет такой мягкий, и слушает ответ. Не ради похвалы. Чтобы они на несколько минут оказались в одной жизни, а не в двух параллельных расписаниях.

Вместо этого её телефон сообщил, что Глеб переслал водителю адрес ресторана, где завтра нужно забрать документы. Сообщения лично для неё не было. Анна погасила экран и убрала аппарат в сумку. Анна отвернулась к картине: новый посетитель остановился перед ней, пытаясь рассмотреть красную линию.

На другом конце зала раздался короткий металлический звон: техник задел лестницей переносной светильник. Анна обернулась так резко, что Лера успела поймать её за локоть.

— Никто не погиб, — сказала подруга. — Мы ещё не начали принимать гостей. Ты можешь перестать быть здесь пожарной командой хотя бы на пять минут?

Анна проверила крепление светильника, убедилась, что провод не повреждён, и только тогда кивнула технику. Молодой парень в чёрной футболке выглядел так, будто собирался извиняться до утра.

— Всё нормально, — сказала она. — Только не ставьте лестницу возле стеклянной перегородки. У нас там узкий

проход.

— Я думал, вы будете ругаться, — признался он.

— Это дорого. После восьми вечера у меня только платная ругань.

Техник улыбнулся. Лера потянула её к столу с приглашениями.

— Иногда мне кажется, ты специально придумываешь себе катастрофы, чтобы не замечать обычных неприятностей, — сказала подруга. — От пола, который скрипит, легче избавиться, чем от мужчины, который не отвечает на сообщения.

Анна остановилась.

— Ты сегодня решила устроить мне терапию между канопе и рассадкой гостей?

— Нет. Просто ты третий раз проверяешь телефон, хотя Глеб уже сказал, что занят.

— У него переговоры.

— У него всегда переговоры. Вопрос только в том, у кого с кем.

Анна не любила подобных шуток. Они были слишком близки к тому, о чём она сама не хотела думать. Она поправила приглашения, хотя они лежали ровно.

— Я знаю, что у нас не всё идеально, — сказала она. — Но не обязана устраивать расследование каждый раз, когда он задерживается.

— Не обязана, — согласилась Лера. — И защищать его

каждый раз, когда я просто спрашиваю, как ты себя чувствуешь, тоже не обязана.

Ссора не состоялась. Подошёл владелец галереи — седой, взволнованный, в ботинках, на которые пролил кофе. Он хотел изменить освещение одной картины за десять минут до открытия. Анна объяснила, почему дополнительный прожектор даст блик, достала планшет с исходной схемой и предложила переместить существующий источник на несколько градусов. Владелец смотрел на неё с удивлением, будто впервые видел, что дизайн — не подбор цвета штор, а сложная работа со светом, людьми и пространством.

— Вы ведь всё равно проверите ещё раз перед уходом? — спросил он.

— Да. Это моя работа.

— Хорошо, что вы здесь. Я боялся, что ваша команда сдаст объект и исчезнет.

Анна улыбнулась, хотя от усталости болели виски. За полгода им с Лерой несколько раз приходилось объяснять одно и то же: за видимой лёгкостью выставочного пространства стоит расчёт, сотни решений и часы чужого труда. Когда наконец всё складывалось, казалось, будто люди просто удачно расставили белые стены.

Глеб однажды пришёл на стройку галереи в дорогом пальто, посмотрел на расклеенные по полу цветные метки и спросил, зачем всё так усложнять. «Найми нормального прораба», — посоветовал он, словно у Анны не было своей коман-

ды. В тот вечер она не стала спорить: рабочий день затянулся, а дома их ждали гости. Теперь, вспоминая тот разговор, Анна почему-то разозлилась сильнее, чем тогда.

— Что? — спросила Лера, заметив её лицо.

— Ничего. Просто хочу, чтобы сегодняшний вечер закончился без слов «миленько получилось».

— У тебя слишком высокие требования к Москве, — ответила подруга. — Здесь половина гостей не различает свет и люстру. Зато все различают цену шампанского.

Первые гости появились в семь. В половине восьмого Анна уже трижды повторила один и тот же рассказ об освещении и дважды слышала, что интерьер «невероятно женственный» — комплимент, который почему-то хотелось вернуть отправителю.

К восьми стало душно.

Она ушла к высокому окну в дальнем зале, где почти не было людей. За стеклом отражались жёлтые фонари и мокрая Пятницкая: дождь начался так тихо, что его заметили только прохожие, поспешно открывавшие зонты.

— Вы тоже прячетесь от искусства? — спросил кто-то сбоку.

Анна обернулась.

Мужчина стоял в двух шагах от неё, держа пустой бокал. Высокий, в тёмном пиджаке и простой белой рубашке. Волосы чуть длиннее, чем полагалось бы безупречному деловому человеку, на подбородке лёгкая щетина. Не красавец с

рекламы часов — скорее мужчина, у которого есть дела поважнее того, чтобы нравиться незнакомым женщинам.

— От людей, которые говорят об искусстве, — ответила Анна.

Он посмотрел на самый большой холст в комнате: белый прямоугольник с тонкой чёрной линией.

— Тогда я вас понимаю. Мне уже объяснили, что это о расставании. Хотя мне кажется, художник просто не успел закончить работу.

Анна рассмеялась прежде, чем успела решить, уместно ли это.

— Не говорите так громко. Здесь за него заплатили как за небольшую квартиру.

— Вот теперь я окончательно расстроен за художника. Ему следовало провести ещё одну линию.

Он повернулся к ней.

— Роман.

— Анна.

— Просто Анна?

— Для начала достаточно.

— Справедливо.

Роман не стал рассматривать кольцо на её руке. Не спросил, почему она стоит одна. Не попытался коснуться локтя, как делали некоторые знакомые Глеба, считавшие хорошими манерами сокращать расстояние до женщины быстрее, чем позволяет разговор.

Он рассказал, что пришёл по приглашению приятеля и уже успел пожалеть, потому что не разбирается в современной живописи. Анна призналась, что и сама понимает в картинах не так много, как ожидают от человека, спроектировавшего галерею.

— Подождите, — Роман огляделся. — Это вы сделали?

— Интерьер — да. С картинами я не виновата.

Он усмехнулся и несколько секунд рассматривал свет, падавший на стены.

— Здесь хорошо. Даже когда не на что смотреть, хочется остаться.

Это был самый точный комплимент её работе за весь вечер.

— Спасибо.

— Я не пытаюсь быть вежливым. У меня офис, в котором хочется признаться во всех преступлениях и попросить отпустить домой.

— Значит, плохой архитектор.

— Или хорошее место для финансовых переговоров.

— Вы финансист?

— Консультант. Иногда мне платят за то, чтобы я объяснял взрослым людям, куда исчезли их деньги.

— И куда они исчезают?

— Обычно туда, куда их отправили другие взрослые люди.

Он говорил с суховатой иронией. Анна заметила, что слушает его не из вежливости, а потому что хочет узнать,

что он скажет дальше. Странное ощущение. Последнее время большинство её разговоров проходило с предсказуемыми людьми: она заранее знала, где собеседник пошутит, где спросит о муже, где начнёт рассказывать о собственном проекте.

Глеб написал в восемь двенадцать:

«Не успеваю. Клиенты прилетели поздно. Не обижайся».

Анна прочитала сообщение и убрала телефон экраном вниз.

— Плохие новости? — спросил Роман.

— Обычные.

— Иногда это хуже плохих.

Ей вдруг захотелось рассказать всё: как однажды она три часа ждала мужа в ресторане; как запомнила названия отелей, где он останавливался без неё; как устала отвечать друзьям, что Глеб просто очень занят.

Вместо этого она сказала:

— Муж не смог приехать.

— Жаль. Ему стоило увидеть, что вы сделали.

Так просто. Без заигрывания, без тени сожаления по поводу кольца на её пальце.

— Возможно, в другой раз.

— Вы часто произносите эту фразу?

Анна пристально посмотрела на него.

— Какую?

— «В другой раз».

Он, кажется, сам понял, что позволил себе лишнее.

— Простите. Не моё дело.

— Нет, — ответила она после паузы. — Не часто. Но хотелось бы реже.

Они ещё немного говорили о работе, о Москве, которая постоянно перестраивается и при этом не становится уютнее, о маленьких книжных магазинах, исчезающих с улиц. Роман признался, что собирает старые издания путеводителей по городам, в которых никогда не бывал. Анна сказала, что в детстве мечтала заниматься реставрацией, а не проектировать кухни для людей, не умеющих приготовить завтрак.

— Так займитесь, — предложил он.

— Есть несколько обстоятельств.

— Они серьёзные?

— Дорогие.

Роман улыбнулся. Впервые она заметила, что у него есть маленькая морщинка у левого глаза.

Лера нашла Анну ближе к девяти.

— Там заказчик хочет сфотографироваться со всеми. И ещё кто-то принёс собственное вино. Ты обязана объяснить, почему нельзя ставить его на подоконник.

— Иду.

Роман отступил, давая ей пройти.

— Рад знакомству, Анна.

— Взаимно.

Она уже отошла на несколько шагов, когда услышала:

— Если будете когда-нибудь проектировать офис, в котором не хочется признаться в убийстве, я хотел бы первым встать в очередь.

Анна повернулась.

— Условия обсуждаются после знакомства с заказчиком.

— Это приглашение?

— Это предупреждение, что я дорого беру.

Роман приподнял пустой бокал в знак согласия.

Когда Анна вернулась к окну через двадцать минут, его там не было.

Она сказала себе, что разочарование вызвано усталостью. Потом поправила манжет блузки, посмотрела на телефон и обнаружила, что всё это время ждала не сообщения от мужа.

Поздно вечером Лера прислала ей фотографию. Анна стояла у окна, слегка повернув голову к мужчине в тёмном пиджаке. Они оба улыбались — не в камеру, друг другу.

Подпись была короткой:

«А этот хотя бы слушал, когда ты говорила».

Анна долго смотрела на снимок, прежде чем удалить его из общего альбома на телефоне.

Из переписки с Лерой удалять не стала.

Глава 3. Чужая кровь

Утро после убийства

В отделе полиции кондиционер работал так громко, будто пытался заглушить всё сказанное людьми за прошедшие годы.

Анне дали бумажный стаканчик с водой. Она выпила половину, и вода показалась горькой. Часы на стене показывали без четверти три. Или без четверти четыре — она не запомнила, сколько раз за эту ночь смотрела на циферблат.

С Глебом она не разговаривала. От него пришло семь пропущенных звонков, два сообщения и короткое голосовое, которое Анна не решилась открыть. Сначала потому, что рядом сидел сотрудник полиции. Позднее — потому, что боялась услышать в голосе мужа обычную нежность.

Громова вернулась в кабинет с тонкой папкой.

— Давайте ещё раз восстановим ваши действия с момента приезда, — сказала она.

— Мы уже трижды восстановили.

— И каждый раз вы вспоминали новую деталь. Это нормально. Стресс влияет на память.

Анна потёрла ладони. Кровь давно смыли после фиксации, но под ногтем большого пальца оставалась тёмная полоска. Она боялась снова посмотреть на неё.

— Я приехала в двадцать сорок две. Или около того. Под-

нялась на пятый этаж. Дверь оказалась не заперта. Позвала Романа. Увидела женщину. Позвонила в службу спасения.

— До приезда в квартиру вы кому-нибудь сообщали о своих планах?

— Нет.

— Мужу?

— Нет.

— Подруге?

— Тоже нет.

Громова поставила перед ней лист с напечатанными строками.

— Мы уточнили личность погибшей. Ирина Павловна Мальцева. Сорок два года. Внутренний аудитор компании «Меридиан Девелопмент». Вам знакомо это название?

Анна подняла глаза.

Название было ей знакомо слишком хорошо. Оно стояло на приглашениях, которые Глеб складывал в ящик стола, на коробках с дорогими подарками партнёрам, на обложке корпоративного ежегодника. Первые годы брака Анна с гордостью говорила: «Это компания моего мужа».

— Да, — ответила она. — Глеб... мой муж. Он владелец и генеральный директор.

Мария Сергеевна замолчала всего на секунду. Но Анна увидела, как изменилась её внимательность: будто разрозненные предметы на столе внезапно оказались деталями одного механизма.

— Вы знали Ирину Мальцеву лично?

— Нет.

— Встречались на корпоративных мероприятиях?

— Не помню. У Глеба много сотрудников. Я редко бываю на его мероприятиях.

— Роман Берестов знал, где работает ваш супруг?

Анна медленно покачала головой.

— Не думаю.

— Почему?

— Мы... не обсуждали его работу. Не подробно.

— Вы не называли фамилию мужа?

— Я говорила, что он занимается строительством. Его зовут Глеб.

Следователь не стала делать вид, что ответ её удовлетворил.

— А собственную фамилию вы называли Роману?

— Лаврова. Это моя девичья фамилия, под ней работает студия. В паспорте я Морозова.

— Почему не уточнили?

У Анны нашлось с десяток ответов. Потому что она не хотела говорить о муже, когда находилась с другим мужчиной. Потому что в последние годы слово «Морозова» стало походить на чужую одежду. Потому что при знакомстве она и правда обычно представлялась Анной Лавровой — так было написано на сайте студии и в профессиональных журналах.

Она выбрала самый короткий:

— Не было повода.

Громова кивнула, но вряд ли поверила, что всё так просто.

Громова отложила ручку и некоторое время рассматривала Анну. Ничего угрожающего в этом взгляде не было. Гораздо тяжелее оказалось то, что следовательно, похоже, не собиралась торопить её, а значит, оставляла одну на одну с памятью.

— Мы сейчас не о том, почему вы были там, — сказала Мария. — Это мы уже выяснили. Мне важно, что именно вы увидели в первые секунды. Даже если вам кажется, что это глупость.

Анна закрыла глаза. Сначала возникла дверь — светлая, с маленькой царапиной возле ручки. Потом запах. Не кровь, как она говорила по телефону, а что-то другое: чуть сладковатые духи, холодный чай и привычная пыль дорогого помещения, в котором редко ночуют.

— Не знаю, — сказала она. — В прихожей горел свет. А в комнате почти нет.

— Как вы это определили?

— Тонкий светильник на столе был выключен. Из прихожей падал свет, но угол возле дивана оставался тёмным. Я сперва различила только что-то разбитое на полу.

— Вы заметили разбитую лампу до тела?

— Нет. Сначала я увидела женщину. Уже потом — лампу рядом с ней.

Громова не записала ответа немедленно. Подождала, пока

Анна сама продолжит.

— Я увидела туфлю, — сказала Анна и удивилась, насколько ясно вспомнила эту подробность. — Одну. Чёрную. С тонким ремешком. Я подумала: наверное, Роман кого-то привёл. Очень глупо, да? Я приехала к женатому мужчине и в первую секунду разозлилась, что он может быть неверен ещё и мне.

— Это не глупо. Дальше?

— Я хотела позвать его. Уже открыла рот. А потом увидела её руку.

Анна посмотрела на собственные ладони. Ногти были коротко подстрижены; под одним всё ещё темнел след, который не удалось отмыть. Она быстро спрятала руки под стол.

— Можете не рассказывать всё сразу, — произнесла Громова.

— Нет. Если я остановлюсь, потом снова придётся начинать.

Она вспомнила, как опустилась на колени и пыталась понять, дышит ли незнакомка. На курсах первой помощи всё казалось понятным. В квартире она боялась прикоснуться к женщине и ещё сильнее — потерять время, пока будет стоять рядом.

— Я позвонила сто двенадцать. Диспетчер объяснила, как проверить дыхание. Потом я повернула её на спину и начала надавливать на грудь. Всё время боялась, что делаю неправильно.

— Оператор давал вам инструкции. Вы им следовали. Это зафиксировано.

— А дверь? Я оставила дверь открытой?

— Когда приехали сотрудники, она была приоткрыта. Вы могли открыть её для медиков.

— Я совсем не помню этого.

Громова наклонилась вперёд.

— Именно поэтому мы не просим свидетелей восстанавливать всё до секунды из головы. Люди под стрессом запоминают разные вещи. Человек может точно помнить туфлю и не помнить собственный разговор. И это не делает его лжецом.

Анна впервые подняла глаза без страха увидеть обвинение.

— Вы думаете, она умерла сразу?

— На этот вопрос ответит эксперт. Предварительные выводы у нас есть, но я не стану выдавать их за окончательные.

Анна потёрла ладони. Ей хотелось услышать хоть что-нибудь определённое, но Громова уже закрыла папку.

— У неё была сумка? — вдруг спросила Анна.

Мария чуть выпрямилась.

— Почему вы спрашиваете?

— У Романа возле дивана стояла низкая тумба. Я помню, как он просил меня не ставить на неё мокрый зонт. Вчера там было пусто. А у женщины, наверное, были вещи, телефон. Я не видела ни сумки, ни пальто. Может, всё лежало в другой

комнате. Или я не заметила.

Громова записала её слова.

— Вы правильно делаете, что разделяете то, что видели, и то, что предполагаете. Это важно.

Анна почувствовала укол стыда. Она уже успела в уме населить квартиру чужими жизнями, найти в каждом предмете свидетельство измены Романа и тут же придумать ему оправдание. А мёртвая женщина тем временем оставалась женщиной без сумки и без имени в её памяти.

— Расскажите про неё, — попросила Анна. — Если можете. Не про работу Глеба. Как её звали дома? У неё была семья?

Следователь посмотрела на закрытую папку.

— У неё есть близкие. Мы уже связались с ними. Сейчас я не могу рассказать больше.

Анна кивнула, но от этой сухой фразы ей стало хуже. Она вдруг представила совершенно обычную кухню, где кто-то дожидается возвращения женщины, опоздавшей с работы. Недоеденный йогурт в холодильнике. Чистую чашку возле раковины. Сообщение в телефоне: «Ты скоро?»

Сначала она боялась, что убийство уничтожит её брак. Теперь поняла: чей-то мир уже уничтожен, и её собственный ужас ничего в этом не меняет.

— В квартире нашли документы, имеющие отношение к компании вашего мужа. Их содержание мы пока не обсуждаем. Вы когда-нибудь приносили туда рабочие материалы

из «Меридиана»?

— Нет. У меня их нет.

— Когда последний раз видели Романа перед вчерашним вечером?

— Позавчера.

— Где?

— В той же квартире.

Анна опустила голову. Впервые за ночь ей стало действительно стыдно — не перед Громовой, которая слышала истории хуже, и даже не перед мужем. Перед незнакомой мёртвой женщиной, лежавшей теперь где-то в холодном помещении, пока Анна сидела здесь и объясняла, с кем и когда спала.

— Вы полагаете, что на Ирину могли напасть из-за её работы? — спросила она.

— Мы проверяем все версии.

— Но она работала у моего мужа. И лежала в квартире моего...

Она не смогла подобрать слово.

— Вашего близкого знакомого, — спокойно закончила Громова. — Да. Это требует проверки.

— Роман ведь не мог...

— Вы были рядом с ним с девятнадцати пятидесяти двух до двадцати сорока двух?

— Нет.

— Тогда сейчас вы не можете знать, что он мог, а чего не мог. Как и я. Мы для этого и разговариваем.

Анна сжала стаканчик, и вода выступила на его край.

— Я ему верю.

— Это не доказательство и не преступление, Анна. Пока просто чувство.

Она захотела возразить, но не нашла слов.

Громова не убрала блокнот. Анна уже приготовилась к тому, что её отпустят, и потому следующий вопрос застал врасплох.

— Когда вы толкнули дверь, насколько она открылась?

— Сначала на ширину ладони. Я решила, что Роман забыл запереть, и открыла шире.

— Вы часто бывали там одна?

— Нет. В основном он приезжал раньше меня.

— Когда-нибудь замечали, что в квартиру приходили другие люди?

Анна вспомнила соседку с маленькой собачкой на площадке, приветствие в лифте, пакет с доставкой, однажды оставленный у коврика. Обычные незначительные вещи. Никогда раньше они не казались кусочками чужой жизни, которую необходимо восстановить поминутно.

— Один раз звонил курьер. Других людей я не видела.

— У Романа был рабочий кабинет в этой квартире?

— Да. В маленькой комнате справа. Но мы туда почти не заходили.

— Почему?

— Там были папки. Монитор. У него всё лежало как-то...

по правилам. Я боялась что-нибудь сдвинуть.

Громова на секунду отвела взгляд от бумаги.

— Если вспомните название папки, цвет, надпись на коробке, даже расположение вещей, скажите. Не пытайтесь сейчас придумать, как должно было быть. Мне важно то, что вы действительно видели.

Анна кивнула. Эта просьба оказалась труднее, чем вопросы об измене. Про измену можно было рассказывать, выбирая слова, защищаясь от стыда. У памяти о квартире не было удобного объяснения. Она видела голубой свет монитора в соседней комнате. Неровный край фотографии, приколотой над столом. Кружку с отколотой ручкой, которую Роман почему-то не выбрасывал. Но стоило представить комнату такой, какой она была вечером, и на полу снова появлялась кровь.

— Я не знаю, что там менялось, — наконец сказала Анна. — Вчера даже не посмотрела туда. Когда увидела женщину, всё остальное исчезло.

— Это нормальная реакция. Мы можем сделать перерыв.

— Вы всё время говорите «нормальная». А я чувствую себя так, будто делаю что-то неправильное с самого начала. Следовательно положила ручку.

— Вы сообщили о случившемся, остались на месте и отвечаете на вопросы. Это правильные действия. Остальное — ваше личное отношение к собственной жизни. Я не могу дать вам по нему заключение.

Анна впервые за ночь посмотрела на Громову внимательно. У той были усталые глаза и аккуратно подстриженные ногти, на одном пальце — узкая полоска от недавно снятого кольца. Хотелось спросить, сколько чужих семей распалось в этом кабинете. Вместо этого она сказала:

— Мне всё время кажется, что если вы задаёте вопрос, то знаете ответ.

— Иногда знаю. Иногда проверяю несовпадение. Иногда просто не могу позволить себе верить первому объяснению, даже если человек произносит его совершенно искренне.

— Вы мне не верите?

— Я не выбираю, кому верить. Я проверяю, что можно проверить.

В коридоре кто-то громко засмеялся, осёкся и извинился. Анна вздрогнула от самого звука смеха. Ей показалось кошмарным, что в здании, где обсуждают убийство, кто-то имеет право шутить. Потом она вспомнила, что рядом люди работают ночами, пьют чай, ссорятся с детьми по телефону. Мир не собирается останавливаться из-за того, что одна женщина не вернулась домой.

— Что мне сказать мужу? — неожиданно спросила Анна. Громова выдержала паузу.

— Это не вопрос, на который следователь должен отвечать за вас. Но если он располагает сведениями по делу, я прошу не договариваться с ним о единой версии событий. Вам обоим придётся говорить за себя.

— Мы и так давно не умеем говорить вместе.

Сказанное повисло между ними. Анне стало неловко: она пришла не к семейному психологу. Громова не поддержала разговор, лишь подвинула к ней ещё один стакан воды.

Анна сделала глоток и впервые подумала, что невиновность не означает безопасности. Её могли подозревать, обсуждать, узнавать подробности личной жизни, и при этом всё происходило по-настоящему — не как в дурном сне, из которого она проснётся рядом с Глебом.

— Я хочу, чтобы нашли человека, который это сделал, — сказала она.

— Этого я от вас и жду: фактов, даже неприятных. Особенно неприятных.

К пяти утра ей разрешили уйти, предварительно объяснив, что в ближайшие дни потребуются новые показания. Телефон вернули после необходимых процедур. Громова дала визитную карточку с номером и попросила сообщать о любых контактах, которые могут быть связаны с произошедшим.

На улице рассвет ещё не наступил. Дождь прекратился, оставив на асфальте глубокие лужи. Анна несколько минут простояла у входа, не решаясь вызвать машину домой.

Она открыла голосовое от Глеба.

— Ань, я не понимаю, что происходит. Ты говорила, что вернёшься к одиннадцати. Уже час ночи. Если злишься — позвони и скажи. Я не собираюсь гадать.

Голос был ровным, раздражённым, знакомым до мелочей. Ни одного намёка на то, что жизнь Анны за прошедшие часы необратимо изменилась.

Она набрала Леру.

Подруга ответила на третьем гудке.

— Аня? Что случилось?

— Можно я к тебе приеду?

— Конечно. Ты где?

— В центре.

— Ты плачешь?

— Пока нет.

Лера помолчала.

— Адрес знаешь. Ключи под ковриком не прячу, но дверь открою. Приезжай.

Только в машине Анна заметила на рукаве пальто маленькое тёмное пятно. Она смотрела на него до самой Новослободской, куда водитель свернул, объезжая перекрытую улицу.

Лера открыла в домашних брюках и старом университетском свитере. Ни о чём не спросила. Поставила чайник, дала Анне чистое полотенце и показала на ванную.

— Потом расскажешь.

Анна закрыла за собой дверь и наконец позволила воде течь по рукам столько, сколько нужно. Она терла пальцы мылом до боли. Пятно под ногтем не исчезало.

В зеркале отражалась женщина с серым лицом и опухши-

ми веками. Она выглядела так, будто постарела за ночь лет на десять. И больше всего её потрясло, что, даже стоя в ванной чужой квартиры после обнаружения трупа, она продолжала думать о Романе.

Где он сейчас? Что рассказала ему Ирина? Почему он не сказал Анне, что встречается с сотрудницей компании Глеба?

И зачем на столе лежала та серая папка, за которую Роман держался, словно она могла удержать его самого?

Она вышла из ванной и увидела Леру на кухне, сидящую перед двумя кружками чая.

— Я нашла мёртвую женщину, — сказала Анна.

Лера не потянулась к чашке.

— Что?

— В квартире человека, с которым встречаюсь. Её убили. Наверное, убили.

Несколько секунд подруга не произносила ни слова.

— У тебя кто-то есть? — наконец спросила она.

Анна кивнула.

— И ты сейчас рассказываешь мне об этом в одном предложении с убийством?

— А как правильно, Лер?

Подруга встала, подошла к ней и обняла. Анна хотела держаться, но плечи вдруг затряслись. Не от страха, как ночью, — от усталости. Лера гладила её по спине, ничего не говоря.

— Глеб знает? — спросила она потом.

— Думаю, нет.

— А полиция?

— Уже знает.

Лера отстранилась, чтобы заглянуть ей в лицо.

— Тогда, Ань, боюсь, и он скоро узнает.

Анна посмотрела в окно. Небо постепенно светлело. Утро наступало так равнодушно, словно где-то на Лесной улице никто не умер.

И она впервые подумала не о том, как объяснить мужу измену.

Она подумала о том, кто мог знать, что именно в той квартире, именно вчера вечером, встретятся две женщины, которым вообще не полагалось быть знакомыми.

Глава 4. Ещё один бокал

За двадцать один день до убийства

Письмо пришло в понедельник утром, когда Анна решала, можно ли объяснить заказчику разницу между натуральным шпоном и плёнкой так, чтобы не обидеть его интеллект.

«Добрый день, Анна. Мы встречались на открытии галереи. Я тот человек, которому вы обещали офис без желания признаться в преступлениях. Если предложение ещё в силе, буду рад обсудить. Роман».

Ни фамилии в подписи, ни лишних комплиментов. Ни одного слова, которое можно было бы предъявить как доказательство флирта.

Анна перечитала письмо трижды. Потом закрыла ноутбук и попросила ассистентку принести образцы тканей.

Через пятнадцать минут она снова открыла ноутбук.

В середине дня к Анне заглянула Лера с папкой образцов. На первой странице лежали оттенки серого — от почти белого до цвета мокрого асфальта. Заказчик настаивал, что ему нужен «современный, но уютный» кабинет и прислал пять картинок помещений, не похожих друг на друга.

— Если у тебя есть волшебная кнопка, превращающая чужое «уютно» в техническое задание, самое время её показать, — сказала Лера.

Анна передвинула образцы ближе к окну.

— Здесь не об уюте. Здесь об ощущении безопасности. Ему хочется, чтобы никто не видел, как он устал. Поэтому и просит побольше дерева, хотя на фотографиях у него один металл.

— А ты стала экспертом по мужским тайнам?

— По кабинетам. Это безопаснее.

Лера устроилась на подоконнике и посмотрела на открытый ноутбук. Анна слишком поздно вспомнила о письме Романа. Подруга не читала экран, но выражение её лица изменилось.

— Ты кому-то отвечаешь с таким видом, будто собираешься сменить гражданство?

— Человек из галереи интересуется оформлением офиса.

— Тот человек из галереи?

— Лера.

— Я спросила, не произнесла приговор.

Анна закрыла ноутбук. Впервые за несколько дней её раздражали не вопросы подруги, а собственное желание оправдываться.

— Я не знаю, что это, — сказала она. — Мы разговаривали один вечер. Очень хороший вечер. И всё. Мне понравилось, что со мной говорили так, будто я не чья-то жена. Наверное, я просто устала.

Лера не стала улыбаться. Отложила образцы и подошла к столу.

— Ты можешь устать от брака. Это не преступление. Но

человек, которого ты почти не знаешь, не обязан за один ужин исправить то, что ломалось годами.

— Я и не прошу.

— Тогда разберись сначала, чего хочешь ты, а не чего не дал тебе Глеб.

Анна помолчала.

— Иногда я мечтаю об очень глупых вещах. Пойти в кино и выбирать фильм без совещания. Купить себе пальто, которое ему не понравится. Уехать на два дня к морю, не объясняя, почему нельзя перенести встречу с важными людьми. А потом пугаюсь собственных желаний. Они ведь такие маленькие. Из-за маленьких вещей вроде бы нельзя разрушать большую жизнь.

— Большая жизнь и состоит из маленьких вещей, — ответила Лера. — Просто в чужих фотографиях их не видно.

Они перешли к обсуждению проекта. Анна показала два варианта планировки, предложила отказаться от дорогих декоративных панелей в пользу лучшей акустики и договорилась встретиться с подрядчиком. Работа не исчезла из-за чужого письма. В студии по-прежнему нужно было платить аренду, проверять счета и спорить с поставщиками. Эта будничность её успокаивала: в ней никто не мог заставить её мгновенно превратиться в героиню чужой любовной истории.

Когда Лера ушла, Анна снова открыла письмо. Написала несколько слов, стёрла их и попробовала начать иначе. Ей

хотелось, чтобы приглашение оставалось деловым и чтобы при этом Роман понял: она помнит разговор у окна. Ни одно из этих желаний не было невинным, если назвать его вслух.

Она посмотрела на календарь. В четверг после шести не стояло ни одной встречи. Всё утро Анна убеждала себя, что слишком занята для нового знакомства, хотя в сущности боялась не отсутствия времени, а того, что сама найдёт его.

В конце концов она решила ответить коротко и по существу. Короткая фраза не могла дать обещания, которого она ещё не готова была произнести. Впрочем, от этого сердце стучало не медленнее.

«Добрый день, Роман. Предложение обсудить офис действительно было, но сразу предупреждаю: у нас плотный график. Могу встретиться в четверг после шести. Анна Лаврова».

Ответ пришёл почти сразу:

«Четверг подходит. Обещаю, что не стану просить скидку за отсутствие криминальных наклонностей».

Анна улыбнулась и тут же рассердилась на себя.

В четверг, ровно в шесть, Роман ждал её внизу делового центра, где располагался его офис. Он был без пиджака, с закатанными рукавами, и держал в руке бумажный стаканчик кофе.

— Вы пунктуальны, — сказала Анна.

— Когда есть надежда на спасение рабочего пространства.

— Только рабочего?

Вопрос вырвался сам. Анна пожалела о нём прежде, чем Роман успел ответить.

— Пока не знаю, — сказал он.

В помещении действительно было мрачно. Серые стены, чёрные металлические перегородки, длинный стол с люминесцентными светильниками. В переговорной не было ни одного окна, хотя на плане здания место для них явно существовало. На стене висели диаграммы. Анна сразу почувствовала привычное рабочее раздражение: кто-то заплатил за оформление большого офиса и получил дорогостоящую имитацию наказания.

— Это можно исправить, — сказала она. — Но придётся изменить освещение, отделить переговорную иначе и убрать половину мебели.

— Половину? Она стояла состояние.

— Значит, у вас будет отличное объявление о продаже.

Роман засмеялся, и она вдруг ясно представила его в другой комнате: вечером, дома, без этой рубашки и всех профессиональных условностей. Мысль была настолько неожиданной, что Анна отвела глаза.

Он заметил. Не мог не заметить.

Они прошли по помещениям. Анна фотографировала детали, записывала размеры, задавала вопросы. С работой было просто: она знала, что делает, и не боялась говорить уверенно. С Романом оказалось сложнее, потому что он слушал её внимательно, не перебивал, а иногда задавал такие точные

вопросы, что она забывала об осторожности.

— Вы любите свою работу, — заметил он.

— Это видно?

— Когда вы рассказываете о свете, у вас другое лицо.

— Какое?

— Такое, будто вам дали возможность открыть окно.

Анна опустила блокнот.

— Вы всегда разговариваете с заказанными архитекторами таким образом?

— Нет. И вы ещё не взяли заказ.

Они замолчали.

Снизу доносился гул лифтов. Где-то хлопнула дверь. В совершенно обычном рабочем помещении между ними неожиданно возникло чувство близости, которого не должно было быть.

— Я замужем, — произнесла Анна.

Роман посмотрел на кольцо, которое и так видел.

— Знаю.

— Мы с мужем давно вместе.

— Я не спрашивал.

— А вы?

Он понял вопрос сразу.

— Женат. Формально. С женой мы не живём вместе примерно полгода.

У Анны внутри что-то опустилось. Ей хотелось услышать, что он совершенно свободен. Тогда можно было бы сделать

вид, что на этой стороне разговора есть хоть один человек без обязательств.

— Это сложная история? — спросила она.

— Не очень красивая. Но и не такая, чтобы рассказывать её на первом рабочем совещании.

— Мы ведь на совещании, — напомнила Анна.

— Именно.

Она закрыла блокнот.

— Мне надо ехать.

Роман кивнул и проводил её к лифту. Ни одного неловкого жеста, ни одной попытки удержать. Анна почувствовала облегчение. Потом разочарование. И разозлилась на обоих — на себя за разочарование, на него за то, что он будто бы не собирался его замечать.

— У вас всё в порядке? — спросил Роман у лифта.

— Да.

— Я не хотел поставить вас в неудобное положение.

— Вы не ставили.

— Хорошо.

Лифт пришёл. Анна шагнула внутрь и повернулась к нему.

— Вы ведь не из-за офиса мне написали?

Он не отвёл глаза.

— Не только.

— И что теперь?

— Теперь я заплачу за консультацию. Остальное не обя-

зательно решать сегодня.

Двери закрылись прежде, чем она успела ответить.

На улице шёл мелкий дождь. Анна не стала заказывать машину. Пошла вдоль Садового кольца, пытаясь вспомнить, когда последний раз разговор с человеком оставлял после себя не усталость, а ощущение, будто впереди ещё может случиться что-то непредсказуемое.

Она остановилась под навесом книжного магазина, где несколько человек прятались от дождя. Сквозь стекло было видно продавца: тот пытался поставить на полку слишком длинный ряд книг, и каждый раз одна выталкивала другую. Анна невольно улыбнулась. Ей казалось, что так устроены последние недели: стоило найти место для одной мысли, как следующая сдвигала всё остальное.

На экране телефона светилось уведомление о завтрашнем ужине. Глеб прислал его ещё утром — сухую строку в календаре, без вопроса, свободна ли она. Анна провела пальцем по фотографии, прикреплённой к приглашению. На ней был загородный комплекс, один из объектов «Меридиана», с гладким фасадом и видом на реку. Её студия когда-то предлагала для этого места общественное пространство с библиотекой. Глеб назвал идею красивой, но коммерчески слабой. Теперь там собирались открыть очередной зал для закрытых мероприятий.

Она помнила, как впервые обсуждала с ним этот проект. Они тогда ещё делили маленькую квартиру, спорили из-за

обеденного стола и ели пищу на коробке. Глеб рисовал планы на обороте чека, Анна поправляла пропорции. Если она возражала, он спорил до хрипоты, а потом внезапно соглашался и спрашивал, не устала ли она. Был ли он другим человеком? Или просто они оба иначе разговаривали, пока ничего не нужно было охранять?

Телефон завибрировал. Звонила Лера.

— Живая? — спросила подруга. — У нас клиент прислал пятнадцатую правку по кухне. Я решила, что хочу услышать человеческий голос, прежде чем совершу уголовно наказуемое действие.

— Живая. Иду домой.

— Ты странно звучишь. Хорошая встреча или плохая?

Анна посмотрела на мокрый асфальт. Люди проходили мимо, прикрывая головы портфелями и газетами. Ей хотелось ответить шуткой, но она устала защищаться от близких людей остроумием.

— Хорошая. В этом и проблема.

Лера не стала спрашивать, что именно произошло. Несколько секунд слышался только шелест бумаги на её столе.

— Аня, я сейчас скажу неприятное. Ты можешь понять, что брак закончился, и всё равно не обязана немедленно начинать другой. Между этими решениями есть ты сама.

— Я ничего не начинала.

— Тогда не спорь с тем, чего я не утверждала.

Анна рассмеялась, хотя неожиданно защипало глаза.

— Ты могла бы иногда просто поддержать мою глупость.

— Могу. Например, могу сказать, что серый потолок с синими стенами — смелое сочетание, хотя это преступление против зрения. Но я не стану говорить, что тебе совсем не больно от того, как Глеб обращается с тобой. Потому что больно.

Разговор закончился обещанием закончить кухню без убийств. Анна ещё некоторое время стояла у магазина. Она не считала встречу с Романом началом новой жизни и не придумывала, как будет выглядеть их следующее свидание. Её пугало другое: рядом с почти незнакомым мужчиной она сказала несколько вещей, которые давно не произносила даже самой себе, и никто не попытался поправить её впечатление.

Когда дождь ослаб, она пошла дальше. На повороте увидела своё отражение в витрине: волосы намокли, воротник пальто поднялся, под глазами залегли тени. Это не было лицо женщины, готовящейся к любовному приключению. Это было лицо женщины, которая впервые за долгое время не знала заранее, что скажет дома.

Дома Глеб ужинал перед включённым телевизором. На столе стояли контейнеры из ресторана; два открытых, один даже не распакован.

— А, приехала, — сказал он, не поворачиваясь. — Тебе оставили рыбу.

— Спасибо. Не хочу.

— Ты где была?

— На встрече по работе.

— В восемь вечера?

— Начали в шесть. Потом пробки.

Он переключил канал.

— Завтра у нас ужин с партнёрами. Не забудь.

— Ты мне не говорил.

— Говорил на прошлой неделе.

Анна знала, что не говорил. Раньше они спорили об этом.

Теперь она просто открыла календарь в телефоне и поставила напоминание.

— Я должна быть обязательно?

— Ань, ну не начинай. Это нормальная просьба. Пару часов посидеть за столом.

— У меня утром объект.

— Значит, ляжешь пораньше.

Он потянулся к пульту, и разговор закончился.

Анна стояла у кухонной столешницы, глядя на запотевшую крышку контейнера с рыбой. Ей хотелось рассказать мужу об офисе, который она сегодня осматривала, о странной переговорной без окон, о том, каким можно сделать помещение. Когда-то Глеб любил слушать подобные истории. Гордился, что его жена разбирается в вещах, о которых он не имеет представления.

Она даже открыла рот.

— Завтра не надевай, пожалуйста, то чёрное платье с открытой спиной, — сказал Глеб. — Там будут серьёзные люди.

Анна молча вышла из кухни.

В спальне она сняла часы, расстегнула браслет, поставила сумку на кресло. Из кармана пальто выпала визитка Романа. Обычная, сдержанная, без золотого тиснения. «Роман Берестов. Финансовый консультант».

Она уже собиралась убрать её в ящик, когда на телефон пришло сообщение с незнакомого номера:

«Это Роман. Если ваша консультация распространяется на места, где можно нормально выпить кофе, я бы попросил продолжения. Без рабочих диаграмм».

Анна ответила не сразу. Села на кровать, сняла кольцо, которое иногда снимала перед сном, положила на тумбочку. Потом снова надела.

«Кофе — не часть договора», — написала она.

«Значит, придётся заключить отдельный».

Она усмехнулась.

«На каких условиях?»

«Никаких обещаний, которые мы не готовы выполнить».

Анна смотрела на эту строчку, пока экран не погас.

На следующий день после делового ужина она согласилась встретиться с Романом на десять минут. Десять минут превратились в час прогулки по переулкам. Они говорили о книгах, о ненавистной погоде, о том, как люди незаметно начи-

нают жить в ожидании отпуска, а потом — следующего отпуска.

Возле её машины Роман остановился.

— Я хочу вас поцеловать, — сказал он.

Анна почувствовала, как сердце ударило где-то высоко, у самого горла.

— А если я скажу нет?

— Тогда пожелать спокойной ночи.

— А если ничего не скажу?

— Не стану угадывать.

Она сделала шаг ближе.

— Можно.

Поцелуй оказался коротким. В нём не было ни поспешности, ни требования продолжения, только тепло его ладони у её щеки и ощущение, что дорога, по которой она так долго шла, неожиданно закончилась у открытой двери.

Роман отстранился первым.

— До встречи, Анна.

Она села в машину и долго не заводила двигатель.

На безымянной парковке в двух кварталах от ресторана, где муж обсуждал очередную сделку, она сидела с пальцами на губах и думала, что десять лет брака не исчезают из-за одного поцелуя.

Но от этого он не становился менее настоящим.

Глава 5. Аноним

Утро после убийства, восемь часов

Телефон разбудил Анну коротким звуком нового письма.

Она лежала на диване у Леры под шерстяным пледом, в футболке, которую подруга нашла на антресолях. Поначалу ей показалось, что вчерашний вечер был сном. В чужой квартире пахло свежим хлебом; за окном кто-то сердито сигналил, пытаясь выехать со двора. Мир продолжал свою утреннюю работу.

Анна повернулась на бок и увидела на экране уведомление от незнакомого адреса.

Тема: «Не говори моему мужу».

Она открыла письмо.

«Твой муж знает, с кем ты встречаешься. Но ты даже не представляешь, с кем встречается он.

Не говори ему, что получила это письмо.

Сегодня в 12:30 я буду ждать тебя в кофейне „Лист“ на Цветном бульваре, за столиком у дальнего окна. Принеси старые исходные чертежи „Речного берега“ и письма, которыми ты подтверждала согласование проекта. Никому не пересылай это приглашение. Особенно Глебу».

Имени отправителя не было. Зато был адрес, время и просьба принести документы по проекту, к которому Анна, насколько помнила, не имела отношения.

Анна перечитала строки, сначала стараясь понять смысл, потом — убедиться, что не ошиблась в словах. Отправитель был обозначен набором букв и цифр. Время отправки — 08:00.

Первым её побуждением было позвонить Глебу и потребовать объяснений. Вторым — удалить письмо, будто вместе с ним исчезнет вчерашний вечер. Но слово «чертежи» остановило. Подобным способом с ней обычно разговаривали заказчики, а не люди, которые хотели отомстить за измену.

Она села на диване. Плед упал на пол.

Кто-то знал о Романе. Знал о Глебе. Знал адрес её личной почты, который она редко указывала в публичных документах. И решил написать именно сейчас — после ночи, когда в квартире Романа нашли убитую женщину.

Вчера она боялась, что муж узнает об измене.

Теперь кто-то сообщал, что он уже знает.

— Лер? — позвала Анна.

Подруга появилась в дверях с тарелкой тостов.

— Ты проснулась. Я хотела дать тебе поспать. Как ты?

Вместо ответа Анна протянула ей телефон.

Лера прочитала. Её лицо постепенно стало серьёзным.

— Это шутка?

— Очень смешная, правда?

— Аня, я не в этом смысле. Кто мог отправить?

— Не знаю.

Лера поставила тарелку.

— Может, кто-то из знакомых видел вас вместе?

— Тогда почему сейчас? Почему именно после убийства?

Подруга вернула телефон, осторожно, словно он был горячим.

— Ты покажешь полиции?

Анна уже набирала номер Громовой. Следователь ответила не сразу.

— Мария Сергеевна? Это Анна Морозова. Вы дали мне свою визитку.

— Слушаю.

— Мне пришло письмо. Анонимное. Про мужа и Романа.

— Не удаляйте. И ничего с ним не делайте, кроме того, что я сейчас попрошу. Пришлите исходное сообщение на служебный адрес, который я вам продиктую. По возможности сохраните полные технические заголовки письма. Наш специалист поможет, если потребуется.

Анна нашла ручку и записала адрес на обороте рекламного буклета, лежавшего рядом.

— Это кто-то, кто знает про убийство? — спросила она.

— Пока мы знаем только, что вам написали. Никаких выводов без проверки.

— Но там говорится, что мой муж мне изменяет.

— Этот вопрос сейчас не главный. Есть ли в письме угрозы лично вам?

— Прямых нет.

— Хорошо. В случае новых сообщений сразу связывай-

тесью со мной. И не обсуждайте содержание с людьми, которым не доверяете.

— Там назначена встреча, — добавила Анна и назвала адрес кофейни и время. — Я должна принести чертежи какого-то проекта. Вы считаете, мне идти?

— Не идите туда самостоятельно для поиска отправителя, — ответила Громова. — Адрес проверим законным способом. Если это угроза или попытка получить документы, риск не оправдан. Вы сможете отдельно передать нам любые материалы через адвоката.

После разговора Анна несколько минут сидела неподвижно.

Лера подошла к окну.

— Ты веришь, что Глеб тебе изменяет?

— Я не знаю.

— Ты ведь сама...

— Сама изменяю. Да. Я понимаю, как это звучит.

Лера обернулась.

— Я не собиралась тебя судить.

— Все будут. Только вопрос времени.

— Я спрашивала не об этом. Что ты чувствуешь, когда представляешь его с другой?

Анна хотела сказать «боль». Так полагалось. Так когда-то и было бы. Но перед глазами возник не незнакомый силуэт в постели Глеба, а его лицо вчера вечером — спокойное, требовательное. И слово, которое приходило на ум, оказалось

другим.

— Унижение, — сказала она. — Даже не ревность. Будто он давно знает правила игры, а мне не сообщили.

— Ты уверена, что хочешь возвращаться домой прямо сейчас?

— Я должна с ним поговорить.

— О чём? Ты спала два часа. В полиции провела ночь. Давай хотя бы поедим.

Анна поняла, что не помнит, когда ела в последний раз. Лера подала ей тост. Она откусила кусочек и вдруг почувствовала тошноту. Отложила хлеб.

— Я вчера думала, что она ещё живая, — тихо произнесла Анна.

— Кто?

— Та женщина. Когда я её увидела. Первые несколько секунд мне казалось, что она просто упала. Я хотела сказать ей, чтобы не лежала на холодном полу.

Лера села рядом.

— Тебе не нужно сейчас всё это объяснять.

— А вдруг, если бы я приехала на десять минут раньше...

— Мы не знаем, что произошло. И полиция пока не знает. Не пытайся придумать версию, в которой ты обязана была кого-то спасти.

Анна кивнула, хотя чувство вины не исчезло.

Лера убрала тарелки и вернулась с блокнотом. На первой странице её аккуратным дизайнерским почерком было напи-

сано название нового проекта — небольшого семейного кафе, где заказчики никак не могли выбрать между дубовыми и ореховыми столешницами.

— Ты что делаешь? — спросила Анна.

— Пытаюсь понять, кому из клиентов сегодня надо позвонить вместо тебя. У нас десять звонков по графику и согласование светильников.

— Я приеду.

— Аня, тебе необязательно сегодня изображать нормальный рабочий день.

— Если не приеду, он вообще никогда не наступит.

Лера не стала спорить. Открыла список задач и подвинула его к подруге.

— Тогда выбирай. Но сначала поешь и переоденься. На объект с убийством на рукаве тебя никто не пустит.

Анна вздрогнула. В сумке лежала блузка, которую ей вернули после необходимых процедур. Она засунула её в отдельный пакет и с тех пор боялась даже смотреть в ту сторону. Подруга заметила её взгляд и закрыла блокнот.

— Прости. Неудачно сказала.

— Нет. Ты сказала как есть.

Анна взяла лист с задачами. Названия были привычными, почти ласковыми: кухня на Сретенке, свет в кондитерской, детская для близнецов. За каждым стояли люди, которым требовалось решить совершенно обычные вопросы. Никто из них не должен был знать, что произошло ночью.

Никто не обязан был остановить ремонт из-за того, что она оказалась возле чужой смерти.

— Переговоры с электриком возьми на себя, — сказала Анна. — Я всё равно забуду половину. Клиентке по детской напишу сама. Она просила эскизы до пятницы.

— Уверена?

— Нет. Но это и не тот случай, когда можно подождать, пока я стану уверенной.

Анна открыла переписку с клиенткой, которая ждала проект детской. Последнее сообщение было отправлено накануне убийства: «Спасибо, что учли, что у нас двое детей, а не двое одинаковых детей». Тогда Анна улыбнулась этой фразе и ответила, что одинаковых детей не встречала. Сегодня ей понадобилось несколько минут, чтобы понять, о какой семье вообще речь.

— У них окно выходит во двор, — напомнила Лера, заглянув через плечо. — Пятый этаж, дом с голубыми наличниками. Девочка хочет жёлтое кресло, мальчик боится темноты. Ты предлагала отдельные светильники у кроватей.

— Я помню проект. Не помню, каким голосом разговаривала с их мамой.

— Обычным, — сказала Лера. — Тем самым, от которого заказчики сначала пугаются, что ты будешь командовать, а потом начинают спрашивать у тебя разрешения купить чайник.

Анна закрыла почту. У неё было ощущение, что за время

одной ночи мир успел разделиться на людей, которые знают о квартире на Лесной, и всех остальных. Последние жили по расписанию, выбирали обои, ждали курьеров. Первые осторожно произносили имена, не оставляли телефон без звука и проверяли, заперты ли двери.

— Помнишь, как мы выезжали к ним на прошлой неделе?
— спросила она.

— Когда дети спорили из-за динозавра? Конечно. Ты тогда всё решила за полчаса.

Анна закрыла глаза. Воспоминание оказалось ярче, чем сегодняшний день.

Тогда в детской пахло строительной пылью и апельсиновым чистящим средством. Хозяйка, молодая женщина с собранными на затылке волосами, открыла дверь в домашних тапочках. Сначала провела их по квартире, потом обнаружила, что забыла выключить духовку, и попросила минуту подождать. Из соседней комнаты доносился спор детей о том, может ли динозавр считаться домашним животным.

— Если у него есть паспорт, то да! — кричал мальчик.

— А где ты видел паспорт динозавра? — возражала девочка.

Анна стояла у окна и смотрела на двор. Внизу мужчина нёс два пакета с продуктами и прижимал к уху телефон плечом. У подъезда женщина выгуливала маленькую собаку, которая отказывалась идти дальше мокрого листа. Всё было настолько обыкновенным, что Анне на секунду захотелось за-

плакать.

— Вы плохо себя чувствуете? — спросила хозяйка, вернувшись.

Анна отвернулась от окна.

— Почти не спала. Простите. Давайте посмотрим, где будут розетки.

Она показала на плане место возле кровати мальчика и вдруг вспомнила, как в квартире Романа лежала настольная лампа. Разбитый плафон, тяжёлое основание. Она видела это всего несколько секунд. Потом всё заслонило тело Ирины. Сейчас, глядя на обозначение светильника, Анна поняла, что память не спрашивает разрешения, прежде чем возвращать человека в самую страшную минуту.

Анна попыталась вспомнить, где видела эту лампу перед вчерашним вечером. Память предложила не квартиру, а складную коробку, шорох упаковочного картона и Романа, который смеялся, что она отправляет половину его вещей на пенсию. Но образ исчез, едва возникнув. Анна не стала делать из него выводов и решила записать только то, в чём была уверена.

— Анна, — тихо произнесла Лера. — Можно я закончу?

— Нет. Я здесь.

Вместе они проверили высоту выключателей. Дети принесли два рисунка: на одном был космонавт, на другом — огромный пёс в короне. Девочка спросила, можно ли повесить оба над кроватью, хотя мама собиралась заказать кар-

тины в одинаковых рамках.

— Конечно, можно, — сказала Анна. — У вас тут не гостиница. Комната должна быть вашей.

Девочка подумала и спросила:

— А взрослые себе тоже могут вешать что хотят?

Анна неожиданно замолчала. Лера, занятая розетками, не услышала вопроса.

— Должны мочь, — ответила Анна наконец. — Иногда они долго этому учатся.

Воспоминание оборвалось. Анна снова увидела стол у Леры, блокнот с задачами, две недопитые чашки. Ей казалось, что та поездка случилась в другой жизни.

— Я сегодня всё время думала про лампу, — сказала Анна. — Не про Ирину даже. Про лампу. Это ужасно? Что я цепляюсь за какую-то вещь?

— Ты запоминаешь то, что можешь вынести, — ответила Лера. — Наверное, так и работает голова. С вещами проще, чем с человеком.

Анна вспомнила витрину магазина светильников, мимо которой они проходили после того выезда. Тогда она остановилась перед тяжёлой тёмной лампой, похожей на ту, что позже увидела у Романа. Теперь Анна достала телефон, открыла заметки и записала: «Основание тяжёлое, тёмное, похожее на бронзу. Лампа лежала возле стола». Не потому, что решила расследовать убийство. Просто боялась забыть что-то, что потом могло оказаться важным.

— Ты отправишь это следователю? — спросила Лера.

— Да. Но сначала отмечу, что уверена только в том, что видела лампу. Всё остальное может быть памятью, которая уже подстроилась под страх.

Лера посмотрела на подругу с тихим удивлением.

— Я думала, ты сегодня не сможешь работать.

— Я тоже. Но, оказывается, можно одновременно бояться и обсуждать расположение розеток.

Анна посмотрела на подругу и поняла, что сегодня ей не хочется возвращаться в свою квартиру, где Глеб непременно потребует разговора. Не потому, что здесь удобнее. Потому, что здесь ей позволяли не знать ответов.

Лера забрала лист. Потом неожиданно спросила:

— Можно вопрос, на который ты имеешь полное право не отвечать?

— После этой ночи, кажется, на меня действует только такая формулировка.

— Ты собиралась вчера сказать Роману, что уходишь от Глеба?

Анна долго смотрела на край скатерти. Вчерашняя поездка на Лесную была такой важной, пока не появилась мёртвая женщина. Теперь собственные планы казались неприлично маленькими рядом с чужой смертью.

— Я не знала, что собираюсь сказать. Хотела просто перестать делать вид, что всё это ни к чему не ведёт.

— А что ты хотела услышать от него?

— Не «уходи ко мне». Этого я боялась. Если бы он сказал так, я бы, наверное, обрадовалась и возненавидела себя. Хотела услышать, что мы можем поговорить без обещаний, которых пока не способны выполнить.

Лера коснулась пальцем края чашки.

— Знаешь, я очень долго считала, что ты счастлива с Глебом.

— Ты видела меня, когда я была с ним.

— Именно. Ты всегда знала, где его билеты, с кем ему необходимо поздороваться на приёме, какие цветы не стоит покупать его матери. Я принимала это за близость.

— А я, кажется, за любовь.

Они помолчали. За окном женщина безуспешно пыталась поместить детскую коляску в багажник маленькой машины. Мужчина рядом давал советы, но не помогал; затем всё-таки забрал у неё сумку, и багажник сразу закрылся. Анна следила за этой сценой с таким вниманием, словно в ней заключался ответ на один из её вопросов.

— Если я сейчас поеду домой, — сказала она, — Глеб спросит, почему я была в чужой квартире. И будет прав спросить. Но я боюсь не самого вопроса. Я боюсь, что он сумеет сделать вид, будто единственное страшное, что произошло вчера, — моя измена.

— Тогда расскажи ровно то, что знаешь, — ответила Лера. — И не позволяй никому выбирать за тебя, какое событие важнее.

Анна взяла телефон и проверила, сохранилось ли отправленное следователю письмо. Сохранилось. В её почтовом ящике рядом стояли два сообщения: одно предупреждало о чужой тайне, другое напоминало об оплате хостинга студии. Жизнь никак не соглашалась делиться на главные и второстепенные события.

— Хостинг я оплачу, — сказала Лера, заметив экран. — Вот это уж точно могу решить без чьей-либо помощи.

Анна улыбнулась. Потом пошла в ванную, где не закрывался шкафчик и над раковиной висело маленькое зеркало. Она умылась холодной водой и попробовала посмотреть на себя без того выражения, которого ожидали от женщины, оказавшейся в скандале.

Она увидела человека, который не выпался, боялся, любил не того, кому обещал верность, и всё равно должен был ответить на звонки. Ничего красивого, ничего героического. Но этот человек ещё был способен выбирать, что сказать правдиво.

В девять сорок пять ей позвонил Глеб. Она вышла в прихожую и приняла вызов.

— Наконец-то, — сказал он. — Где ты была всю ночь?

— У Леры.

— Почему не предупредила?

— Я не могла.

— Очень содержательно. Мы договорились, что ты пишешь, если задерживаешься.

— Глеб, случилось кое-что серьёзное.

Он помолчал.

— Что именно?

Анна прислонилась к стене. Ей казалось, что стоит только произнести слова «меня допрашивали из-за убийства», и муж задаст вопросы, на которые она пока не готова отвечать.

— Я была свидетелем происшествия. Мне пришлось дать показания.

— Какого происшествия?

— Убийства.

На линии стало тихо. Анна услышала слабый стук — словно Глеб поставил чашку на блюдце.

— Где?

— В квартире одного знакомого.

— Какого знакомого, Аня?

Она закрыла глаза.

— Я расскажу, когда приеду.

Глеб выдохнул.

— Ты понимаешь, что в таких вещах нельзя устраивать тайны?

Анна чуть не рассмеялась от нелепости этих слов.

— Да, — сказала она. — Начинаю понимать.

— Приезжай домой. Сейчас.

Она не ответила сразу.

— Через пару часов.

— Аня...

— Через пару часов, Глеб.

И нажала отбой.

Она закончила разговор, не дожидаясь разрешения мужа. Вместо удовлетворения почувствовала страх: её небольшое неповиновение почему-то казалось опаснее самого телефонного звонка.

В десять двадцать семь Роман прислал сообщение.

«Я не знаю, что ты уже успела услышать обо мне. Пожалуйста, дай мне объяснить, почему Ирина была у меня. Я не скрывал её существование, потому что не думал, что это имеет отношение к нам. Теперь понимаю, как это выглядит».

Анна читала медленно. В его словах не было привычного «ты всё неправильно поняла». Он не требовал верить. Не обещал невозможного.

Она набрала: «Кем была для тебя Ирина?»

Ответ пришёл спустя минуту:

«Человеком, который попросил помочь разобраться с документами. Не любовницей, если ты об этом. Я передал следователю всё, что знал».

«Почему она оказалась в твоей квартире одна?»

«Она работала там с бумагами. Я ушёл на встречу с адвокатом и собирался вернуться к девяти. Не думал, что ей что-то угрожает».

«Почему ты мне не сказал?»

Долго не было ответа.

Потом появилось:

«Потому что считал, что чужие проблемы можно оставить за дверью, когда я с тобой. Похоже, я ошибся».

Анна положила телефон экраном вниз.

Она не знала, правду ли он говорит. Не знала, можно ли вообще доверять человеку, в чьей квартире только что произошло убийство. Но даже сейчас ей отчаянно хотелось услышать его голос.

Лера зашла с чистыми джинсами.

— Мои будут тебе коротки, но до дома доедешь.

Анна посмотрела на подругу и вдруг спросила:

— Как понять, что человек тебя любит?

Лера задержалась у двери.

— Наверное, не по тому, что он говорит, когда всё хорошо.

— А по чему?

— По тому, что делает, когда всё становится плохо.

Анна взяла джинсы.

За окном город шумел, выезжал из дворов, пил кофе на ходу, опаздывал на работу. Она знала, что этот день будет полон разговоров, которых невозможно избежать.

И всё-таки сильнее всего её тревожило не письмо, лежавшее в телефоне, и не предстоящая встреча с мужем.

Её тревожило, что из двух мужчин, которым она могла позвонить сейчас, она хотела поговорить с тем, у кого вчера нашли мёртвую женщину.

Глава 6. Первая ночь

За двенадцать дней до убийства

В тот вечер Глеб отменил ужин в последнюю минуту.

Анна уже надела платье, которое он сам выбрал неделю назад, собрала волосы и успела дважды позвонить в ресторан, уточняя бронирование. Они собирались отметить десятую годовщину свадьбы. Настоящая дата была месяц назад, но тогда Глеб находился в командировке, а потом у него не оказалось свободного вечера.

Сообщение пришло без извинений:

«Не получится. Важный вопрос по проекту. Закажи что-нибудь домой».

Анна медленно сняла серьги. Одну положила в шкатулку, вторую уронила на ковёр и долго не могла найти. Из комнаты доносился телевизор, который домработница забыла выключить перед уходом. За окном были фары, пробки, мокрый асфальт, чужие жизни.

Она не удивилась. И именно это оказалось самым неприятным.

Когда-то подобные сообщения заставляли её плакать. Потом — ссориться. Позднее она научилась находить себе занятие и убеждать себя, что взрослые люди не должны зависеть от ужинов. Теперь ей было почти всё равно, приедет ли Глеб через час или к утру.

Почти.

Она взяла телефон. Переписка с Романом открылась там, где они остановились накануне:

«Я не должен был тебя целовать у машины».

«Почему?» — спросила тогда Анна.

«Потому что теперь буду ждать следующего раза».

Она не ответила. Целый день повторяла себе, что это к лучшему.

Сейчас напечатала: «Ты занят?»

Ответ пришёл через несколько секунд:

«Нет. Что случилось?»

Она посмотрела на своё отражение в зеркале: тёмное платье, прямая спина, тщательно уложенные волосы. Женщина, которая собиралась праздновать годовщину свадьбы с мужем, словно была придумана кем-то другим.

«Мне не хочется быть одной».

Роман позвонил почти сразу.

— Где ты?

— Дома.

— Всё в порядке?

— Не совсем. Но ничего страшного.

— Можем просто погулять. Я знаю место, где дают неприлично плохой чай и очень хорошие булочки.

Анна закрыла глаза. Он не спросил, почему она звонит вечером. Не стал расспрашивать о муже.

— Я могу приехать к тебе? — сказала она.

На линии стало тихо.

— Аня, — произнёс он осторожно. — Ты уверена, что именно этого хочешь?

— Нет, — ответила она честно. — Я вообще сейчас мало в чём уверена. Но хочу тебя видеть.

— Тогда приезжай. Если передумаешь по дороге, позво-
ни. Я не обижусь.

Она надела пальто прямо поверх нарядного платья, взяла сумку и вышла, прежде чем успела придумать тысячу причин остаться.

На Лесной улице была обычная вечерняя жизнь. Кто-то курил у кафе под навесом. Курьер торопливо искал номер подъезда. Пожилая женщина ругалась с водителем, перегоревшим въезд во двор. Анна припарковалась в соседнем переулке и прошла последние сто метров пешком, словно собиралась на запрещённую встречу, о которой знали все прохожие.

Роман открыл после первого звонка.

Он был в тёмной футболке и домашних брюках, босиком. На кухне пахло кофе и чем-то подгоревшим.

— У тебя что-то случилось? — спросила Анна, проходя
внутрь.

— Пытался приготовить ужин. Пришлось признать поражение.

— Ты финансист, а не повар.

— В финансах тоже случаются катастрофические ошиб-

ки, но там обычно больше времени до появления дыма.

Она улыбнулась. Как будто кто-то ослабил ремень, который весь вечер сжимал ей грудь.

Это была та самая квартира, куда она приезжала несколько раз днём: посмотреть варианты оформления кабинета, посмеяться над ужасным торшером, выпить кофе. Роман снимал её как рабочее пространство — одну комнату превратил в кабинет с архивными шкафами, вторую оставил почти жилой, с диваном, кухней и книжными полками. Сюда было удобно приходить между встречами. Здесь не было семейных фотографий, чужих тапочек у двери или следов брака, от которого он уходил.

— Ты красивая, — сказал он.

Анна вдруг почувствовала неловкость от платья, предназначенного совсем для другого вечера.

— Я собиралась в ресторан.

— Не хочу спрашивать, почему не пошла.

— Муж не смог.

Роман кивнул и достал чистый бокал.

— Вино?

— Немного.

Он налил ей. Себе — воды. Анна заметила и приподняла бровь.

— Не пьёшь?

— За рулём сегодня был. Привычка не менять планы посреди вечера.

— А я, выходит, меняю.

— Ты ничего мне не обещала.

Она поставила бокал на стол.

— Но ты понимаешь, что происходит?

Роман прислонился к столешнице напротив. Между ними оставалось расстояние, которое легко было преодолеть двумя шагами.

— Думаю, да.

— Я замужем.

— Знаю.

— И ты женат.

— Да. Мы живём отдельно, но документы ещё не оформлены. Я не хочу делать вид, что это не имеет значения.

— Я тоже.

Он кивнул и немного помолчал.

— Если тебе нужно просто пересидеть плохой вечер, это тоже нормально. Можем заказать еду, посмотреть что-нибудь глупое и через час ты уедешь домой. Не обязательно, чтобы происходило что-то другое.

Анна посмотрела на него внимательно.

— Ты действительно сможешь вот так спокойно отпустить меня?

— Не знаю, спокойно ли. Но отпущу.

Ей хотелось бы ответить легко, с улыбкой, как обычно. Вместо этого она подошла и остановилась совсем рядом.

— Мне надоело быть в месте, где меня постоянно отпус-

кают, потому что никто не замечает, когда я уйду.

Роман не прикоснулся к ней сразу.

— Аня...

— Нет, послушай. Я не пришла сюда из-за отменённого ужина. Не только из-за него. И не хочу потом говорить, что всё получилось случайно. Я знаю, где нахожусь. И с кем.

Он поднял руку и коснулся её щеки, мягко, осторожно, как в тот вечер на парковке.

— Тогда скажи, чего ты хочешь.

Она ответила поцелуем.

Сначала это было почти робкое движение навстречу, словно оба до последнего проверяли, можно ли ещё остановиться. Но потом Анна почувствовала его ладони у себя на талии и обняла его за плечи. Поцелуй перестал быть вопросом.

Роман отстранился на мгновение.

— Ты можешь передумать в любой момент.

— Знаю.

— Я серьёзно.

— И я.

Ей было удивительно, что желание может существовать рядом с нежностью, а не вместо неё. Она привыкла к определённой последовательности жестов, к близости, которую нужно было вписать между чужой усталостью и следующим рабочим днём. Здесь никто не торопился и не ждал от неё заранее известной роли.

Они прошли в спальню не сразу. Анна успела рассмеяться, когда Роман задел локтем дверной косяк; он недовольно посмотрел на стену, будто та нарочно испортила момент. Потом смех стих. Он поцеловал её в висок, спросил ещё раз, всё ли хорошо, и она ответила уже без слов — прижалась к нему ближе.

Позднее Анна будет вспоминать не то, как выглядела комната, и даже не самую близость. Она запомнит мелочи: шум дождя за приоткрытым окном; его чуть охрипший голос; неожиданную возможность не изображать уверенность, когда было страшно; то, как они лежали рядом после, не пытаясь торопливо придать случившемуся удобный смысл.

Анна не сразу позволила себе перестать думать о времени. Часы лежали на комодке экраном вниз, но она всё равно ощущала их присутствие, как человек, который ещё долго слышит будильник после того, как выключил его. Роман это заметил.

— Тебе нужно домой? — спросил он.

— Я не знаю.

— Это тоже ответ.

Она села, подтянула к себе одеяло. В комнате был мягкий свет от уличного фонаря, и в нём всё казалось удивительно обыкновенным: край полки, оставленная на стуле рубашка, книга с заложенной посередине закладкой. Ничего похожего на декорации для великой измены.

— Мне кажется, что я сейчас должна плакать или гово-

ритель, что совершила ошибку, — призналась Анна. — В кино люди после такого всегда что-нибудь решают. Бросают семью. Или бегут обратно и делают вид, что ничего не было.

— А ты хочешь что-нибудь решить?

— Нет. И это ужасно эгоистично.

Роман опёрся локтем на подушку, но не коснулся её.

— Эгоистично было бы пообещать тебе сейчас идеальное будущее, чтобы удержать тебя здесь. Или потребовать, чтобы ты объяснила мне, кто для тебя важнее. Мне хочется задать этот вопрос. Но я не стану.

— А что ты станешь?

— Слушать. Пока у нас получается.

Анна посмотрела на него. С Глебом разговоры давно строились иначе. Он говорил, что готов выслушать любую её претензию, а потом предлагал немедленный выход: оплатить, перенести, нанять, отправить. Дело будто закрывалось, прежде чем она успевала объяснить, почему ей было больно.

— Сегодня десять лет, как мы поженились, — сказала она.

Роман медленно убрал руку с подушки.

— Аня...

— Только не жалея меня. Я сама сюда приехала. Я могла остаться дома, снять серьги и лечь спать. Мне не нужна причина, которая сделает мой поступок приличнее.

Он кивнул. Несколько секунд оба молчали.

— Когда-нибудь ты расскажешь, каким был твой брак в самом начале? — спросил Роман. — Не тем, каким он стал.

А тем, за который ты, наверное, держалась все эти годы.

Вопрос застал Анну врасплох. Она уже привыкла к тому, что сочувствующие люди с готовностью превращали Глеба в злодея, словно иначе ей нельзя было объяснить ни собственную усталость, ни происходящее сейчас.

— Он умел меня смешить, — сказала она. — В первый год мы жили в квартире с тонкими стенами и ужасным лифтом. Однажды лифт застрял, и Глеб рассказывал мне в темноте самые нелепые истории про соседей, пока приехали техники. Я смеялась так, что у меня болел живот. Потом он начал зарабатывать. Всё больше. И как-то вышло, что ему перестало хватать времени слушать мои истории. Но я помню тот лифт. Иногда думаю: может, надо просто вернуться туда, к старой версии нас.

— Люди не возвращаются в первый год брака по желанию, — сказал Роман.

— Знаю. И всё равно хочется. Хотя бы проверить, не я ли всё испортила.

Роман коснулся её пальцев.

— Я могу ошибаться. Но не думаю, что один человек способен в одиночку испортить жизнь двоих. Как и спасти.

Он говорил без победного оттенка. Не пытался превратить её сомнение в ещё один аргумент в пользу себя. Анна почувствовала, как напряжение в плечах медленно отпускает.

— А вы с Кристиной? — спросила она. — Я почти ничего

о вас не знаю.

Роман чуть помедлил.

— Мы были хорошей командой. Так, по крайней мере, мне казалось. Вместе выбирали квартиру, спорили из-за пу-
стяков, ездили на море, иногда ругались до ночи. Потом ста-
ли говорить только о расписаниях. В какой-то момент вы-
яснилось, что мы оба лучше умеем обсуждать работу, чем
жизнь. Уже полгода не живём вместе. Это не делает меня
свободным юридически. Но и не означает, что я приглашал
тебя, чтобы заполнить пустой вечер.

— А что означает?

Он посмотрел ей в глаза.

— Что я рад, что ты приехала. И понимаю, почему тебе
страшно.

Анна придвинулась ближе сама. Им больше не требова-
лось торопиться. Они целовались, потом разговаривали о
смешных вещах, потом снова молчали. За окном начался
дождь, тонкий и настойчивый. В этот раз Анна не пыталась
угадать, что именно должна чувствовать. Она различала теп-
ло его плеча, собственное дыхание и тихое облегчение от то-
го, что могла не защищать каждую фразу.

Ночью она проснулась от незнакомого скрипа половиц и
несколько секунд не понимала, где находится. Роман спал
рядом, повернувшись к окну. Анна могла уйти сейчас. Зака-
зать такси, успеть до утренних звонков, сохранить хотя бы
видимость привычного порядка. Она взяла телефон, посмот-

рела на чёрный экран и положила обратно.

Наутро многое окажется сложным. Обманы придётся называть обманами, а решения принимать самой. Но эту ночь она не собиралась превращать ни в случайность, ни в чужую вину.

Она повернулась на бок.

— Теперь всё сложно, — сказала Анна.

Роман лежал рядом, глядя в потолок.

— Было просто до этого?

— По крайней мере, можно было делать вид.

— А теперь?

Анна провела пальцем по складке простыни.

— Теперь я не смогу сказать себе, что мне всё равно.

Он повернулся к ней.

— Я не прошу тебя сегодня ничего решать.

— А чего просишь?

Роман задумался.

— Не исчезать без объяснения. Если решишь, что это ошибка, скажи мне. Я переживу. Хуже будет, если ты просто сделаешь вид, что нас не было.

Анна посмотрела на него.

— Ты ведь понимаешь, что мы почти не знаем друг друга?

— Понимаю.

— И что я могу оказаться совсем не такой, какой ты меня придумал.

— Я не придумывал тебя, Аня. Я несколько раз видел, как

ты споришь с официантами из-за неправильно поставленного света. Это уже довольно много информации.

Она рассмеялась, уткнувшись лицом ему в плечо.

— Свет действительно был неправильный.

— Не сомневаюсь.

Потом они долго молчали. Роман не пытался заполнить паузу объяснениями, и Анна позволила себе тоже молчать.

Анна вспомнила, что оставила телефон на кухонной полке. Там же лежало обручальное кольцо, которое она сняла, когда мыла руки. Эта маленькая подробность вдруг показалась жестокой в своей обыденности: у каждой вещи было предназначенное место, даже у кольца, смысл которого она не могла сейчас объяснить.

— Я должна кое-что сказать, — произнесла она.

Роман приподнялся на локте. Не спросил, не собирается ли она немедленно уйти. Не сделал лица, с которым принимают ожидаемое признание.

— Говори.

— Я не собираюсь обещать, что завтра подам на развод. И не хочу, чтобы ты думал, будто это... — Она сбилась, подыскивая слово. — Будто это было чем-то, что можно отменить одним разговором.

— Я не прошу тебя завтра подавать на развод.

— Знаю. Но мне легче сказать самой, пока ты не спросил.

Он сел рядом, опустив ноги на пол. На полу лежала его рубашка. Роман поднял её, повесил на спинку кресла и вдруг

стал выглядеть совсем обычным человеком, немного растерянным и не выспавшимся.

— Я тоже не умею обнулять прошлое, Ань. Я уже шесть месяцев не живу с Кристиной. Но однажды могу зайти в магазин, увидеть упаковку кофе, которую она всегда покупала, и на секунду подумать: надо взять. Это не значит, что я хочу вернуться. Просто память за нами не успевает.

— А у меня память впереди, — сказала Анна. — Я ещё не ушла и уже вспоминаю брак как чужую жизнь. Мне стыдно.

— Мне жаль, что тебе так.

Ей захотелось услышать привычное утешение: не стыдись, всё правильно, ты никому ничего не должна. Но он не произнёс этих слов. И Анна была за это благодарна. Её поступок не становился безобидным оттого, что она долго чувствовала себя несчастной. Чужие чувства тоже существовали — даже у Глеба, который порой обращался с ней так, будто у неё собственных чувств не было.

Она подошла к окну. Двор был пустым, если не считать дворника в световозвращающем жилете. Мужчина курил под козырьком и смотрел на редкие окна, где ещё горел свет. Анне стало смешно от мысли, что где-то в городе множество людей проживают самые важные минуты своей жизни, а кто-то в это время просто выносит мусор.

— Ты всегда так спокойно отвечаешь? — спросила она.

— Не всегда. Сейчас стараюсь не сказать чего-нибудь лишнего. Например, что не хочу, чтобы ты уходила.

Она обернулась. Роман смотрел на неё без улыбки.

— А ты хочешь? — осторожно спросил он. — Не прямо сейчас. Вообще. Остаться здесь, когда закончится этот вечер?

— Хочу, — ответила Анна. — Но это не одно и то же, что могу.

Он кивнул. Похоже, это было важнее любых красивых слов.

Анна вернулась и села рядом. Роман накрыл её ладонь своей. Тепло его руки казалось простым и убедительным. Она не чувствовала, что обязана заслужить эту близость следующей уступкой, правильным ответом или обещанием. Не нужно было изображать женщину, уверенную во всём. Достаточно было остаться, пока она сама этого хотела.

— Давай сегодня ничего не решать, — сказала она. — Кроме одного.

— Какого?

— Если однажды мы начнём говорить друг с другом так, будто уже всё решили за другого, напомни мне об этом вечере.

— Напомню. Даже если ты станешь на меня за это сердиться.

— Я довольно часто сержусь.

— Уже заметил. Особенно когда люди называют бежевый цвет белым.

Она улыбнулась и потянулась к нему. За окнами по-преж-

нему было темно. Анна легла, устроив голову у него на плече, и на короткое время впервые перестала считать минуты до возвращения домой. Сон пришёл неожиданно, без привычного напряжения в плечах.

Под утро она проснулась от света фар, скользнувшего по потолку. На часах было без двадцати шесть. Роман спал, положив руку рядом с ней. Анна осторожно поднялась, нашла платье, босиком дошла до кухни.

Телефон лежал на столе. От Глеба пришло сообщение в час ночи:

«Вернулся. Ты спишь?»

И ещё одно, часом позже:

«Странно, что телефон отключён. Надеюсь, всё нормально».

Она открыла переписку и долго смотрела на пустое поле ответа.

Её муж спрашивал, спит ли она. Всего несколько слов. В другое время Анна ухватилась бы за них как за доказательство заботы.

Сейчас она не могла перестать думать, что Глеб не заметил отсутствия жены до часа ночи, хотя именно сегодня обещал отмечать с ней годовщину.

На кухню вошёл Роман.

— Ты уходишь?

— Скоро.

Он заметил телефон, но ничего не спросил.

— Кофе?

— Если ты умеешь не сжигать хотя бы его.

— С этим у меня пока лучше.

Роман поставил чайник. Анна села у окна, подтянув колени к груди. Снаружи начиналось утро, похожее на любое другое. По улице проехала машина, дворник стучал метлой у подъезда, в соседнем доме загорелась первая кухня.

— Ром, — сказала она, когда он поставил перед ней чашку. — Я не обещаю, что завтра смогу так же спокойно прийти.

— Мне не нужно обещание.

— А что нужно?

Он посмотрел на неё и ответил:

— Чтобы, когда ты рядом, ты была здесь. Не там, где от тебя ждут правильных слов.

Анна обхватила горячую чашку ладонями.

Она приехала к нему, надеясь забыть хотя бы на вечер о собственной жизни. А оказалось, что после этой ночи прежняя жизнь впервые стала выглядеть чем-то, от чего, возможно, можно уйти.

Перед уходом Роман проводил её до лифта. Поцеловал и, когда двери начали закрываться, неожиданно сказал:

— Аня, я не хочу быть для тебя местом, куда приезжают только тогда, когда дома плохо.

Она успела придержать дверь.

— А кем ты хочешь быть?

Он ответил не сразу.

— Пока не знаю. Но хочу, чтобы у нас был шанс выяснить.

В машине Анна долго смотрела на экран телефона. Потом набрала мужу:

«Ночевала у Леры. Вчера мне было нужно побыть одной. Поговорим вечером».

Это была ложь, и она знала, что так или иначе ей придётся за неё заплатить.

Но впервые за много лет утро не казалось ей продолжением предыдущего дня.

Глава 7. Человек, который знал слишком много

К полудню Анна обнаружила, что боится открывать дверь собственной квартиры.

Ничего в подъезде не изменилось. Консьерж поздоровался, лифт беззвучно поднял её на четырнадцатый этаж, у соседей за дверью лаяла маленькая собака. На коврике перед квартирой лежал рекламный буклет клиники. Анна машинально подняла его, подумала, что выбросит позже, и только тогда поняла: она пытается отложить встречу с Глебом на несколько секунд.

Он сидел за кухонным столом. Перед ним стояла чашка кофе, рядом лежал телефон. Вторая чашка ждала на противоположном краю стола, словно их пригласили на деловую встречу.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал Глеб.

— Спасибо.

— Садись. Что произошло?

Анна села, не сняв пальто. Ей захотелось сразу рассказать всё: и про кровь на паркете, и про Романа, и про то, что последнюю ночь она провела у Леры. Но сколько из этой правды муж уже знал? И почему именно это теперь казалось самым важным вопросом?

— Я нашла тело женщины. В чужой квартире. Меня допрашивали всю ночь.

— Чьей квартире?

Он не спросил, как она себя чувствует. Не сказал, что ему жаль. Глеб смотрел на неё внимательно, с тем напряжённым спокойствием, которое Анна знала по его телефонным разговорам с подрядчиками.

— Романа Берестова, — ответила она.

Глеб провёл большим пальцем по краю чашки.

— Берестова, — повторил он. — И давно ты знакома с этим человеком?

— Меньше месяца.

— Как близко?

Анна не отвела глаза.

— Достаточно близко, чтобы у меня были ключи.

Пауза затянулась. За окном шумела вентиляционная установка соседнего здания. Глеб поправил манжет рубашки; на запястье блеснули часы, которые Анна подарила ему пять лет назад. Она помнила, как выбирала их, как волновалась, понравятся ли. Теперь эта память казалась обстоятельством из жизни другой женщины.

— Понятно, — произнёс он. — И полиция знает?

— Да.

— Ты хоть представляешь, во что нас втянула?

— Нас?

— Убитая работала в моей компании. Ты находишь её в

квартире своего любовника. Через несколько часов об этом будут знать люди, с которыми я веду переговоры.

— Она умерла, Глеб.

— Я слышал.

— Нет. Ты услышал название компании и начал думать, как это скажется на переговорах.

Он резко поставил чашку.

— Ты отсутствовала всю ночь, скрывала от меня другого мужчину, а теперь объясняешь, как мне правильно реагировать?

Анна с трудом удержала себя на месте. В голове ещё звенел голос диспетчера: «Не останавливайтесь». Она вспомнила тяжесть чужого тела под ладонями и поняла, что не может участвовать в привычном споре о том, кто кому что должен.

— Я хочу принять душ и поспать, — сказала она. — Потом поговорим.

— Потом будет поздно.

Глеб не объяснил, для чего именно поздно. И Анна не стала спрашивать.

В спальне она достала из сумки телефон. Было три сообщения от Романа. Первое — с номером адвоката, второе — короткое «Прости, что ты оказалась внутри этого», третье пришло пять минут назад: «Я готов рассказать всё лично, если ты захочешь слушать».

Она ответила, что свяжется вечером, и легла, не проверяя, где находится муж.

Проснулась от звонка Громовой.

— Анна, уточню одну вещь. Вы сказали, что Роман Берестов вернулся в квартиру уже после приезда медиков. Он упоминал, с кем встречался перед этим?

— С адвокатом. Так мне написал.

— Имя?

— Не знаю.

— Если узнаете, не пытайтесь самостоятельно проверять его алиби. Передайте информацию нам.

— Вы считаете, что это он убил Ирину?

— Устанавливаем, где он был до вашего приезда. Если что-нибудь вспомните об этом вечере, позвоните мне.

Анна молчала.

— И ещё. Вам известно, чем именно занималась погибшая в компании мужа?

— Нет. Аудитором, вы сказали.

— Вам когда-нибудь предлагали подписать документы о выполнении дизайнерских работ на объекте «Речной берег»?

Анна нахмурилась. Название она знала: Глеб рассказывал об элитном жилом комплексе, который должен был стать главным проектом года.

— Нет. Мы даже не заключали договор на этот объект.

— Вы уверены?

— Я помню собственные договоры, Мария Сергеевна.

— Хорошо. Это важно.

После разговора Анна открыла почту студии, набрала в поиске «Речной берег» и увидела десятки писем: рекламные материалы, приглашения на презентацию, запросы на консультации от неизвестных посредников. Ни одного подписанного договора. Она стала просматривать переписку внимательнее, пока дверь спальни не открылась.

— Ты с кем разговаривала? — спросил Глеб.

— Со следователем.

— О чём?

— О работе.

Он посмотрел на экран ноутбука, затем на неё.

— Аня, пожалуйста, не лезь в мои дела. Я сам разберусь с тем, что происходит в компании.

— Я в свои дела лезу.

— Не видишь разницы?

Анна закрыла ноутбук.

— До вчерашнего вечера видела. Теперь уже не очень.

Глеб задержался у шкафа. Анна слышала, как он выдвинул ящик, где хранились старые документы на квартиру. На мгновение ей показалось, что он ищет бумаги для неё. Но муж достал ключи от машины, проверил телефон и только после этого вернулся к двери.

— Я поговорю с юристами, — сказал он. — Тебе больше не нужно отвечать на звонки из компании.

— Если они звонят мне по поводу моей подписи, нужно.

— Ты сейчас не в состоянии оценивать последствия. Это

видно.

Анна ещё недавно приняла бы эти слова за заботу. Последние сутки её действительно трясло; она забыла, что ела, путалась в часах, вздрагивала от дверного звонка. Но Глеб произнёс «не в состоянии» так, словно речь шла о формальном основании забрать у неё право принимать решения.

— Тогда помоги мне оценить, — ответила она. — Скажи, подписывали ли мы договор на «Речной берег»?

— Не знаю все мелкие договоры наизусть.

— Не мелкие. Подписывали ли вообще?

— У проекта десятки исполнителей. Твой бренд фигурировал в обсуждениях.

— Фигурировал в обсуждениях или в актах?

Он смотрел на неё, как на партнёра, который неожиданно начал читать непривычные пункты соглашения.

— Зачем тебе этот допрос? Ты ведь не следователь.

— Я жена человека, в компании которого убили сотрудницу. И владелица студии, под именем которой могли что-то оформить. Обе причины достаточно серьёзные.

— У тебя за спиной двадцать часов без сна. А ты собираешься проверять бухгалтерию многомиллиардного проекта по письмам из почты. Это абсурд.

— Возможно. Поэтому я и передам документы тому, кто умеет.

Глеб на мгновение потерял выражение лица. Не нахмурился, не повысил голос — просто перестал играть челове-

ка, который всё контролирует. У Анны неприятно кольнуло под рёбрами.

— Кому?

— Адвокату. И тому, кому понадобится в рамках следствия.

— Не бери специалистов по рекомендации случайных людей. Я могу предоставить хорошего юриста.

— Из твоей компании?

— Из проверенной фирмы.

— Проверенной кем, Глеб?

Он медленно убрал ключи в карман.

— Ты ведь понимаешь, что сейчас происходит? — спросил он. — Человек, с которым ты мне изменяла, оказался связан со смертью моей сотрудницы. Если всё это всплывёт, твою студию станут обсуждать ровно в том же контексте, что и мой бизнес. И никого не будет интересовать, кто что подписывал.

Анна почувствовала искушение согласиться. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь пришёл, закрыл дверь, разобрал бумаги и позволил лечь спать. Глеб много лет был именно таким человеком: сначала решал проблему, потом сообщал, какой ценой это удалось. Раньше цена казалась оправданной, потому что её никто не называл.

— Я знаю, что люди будут говорить, — произнесла она. — Но не могу от этого позволить кому-то ещё расписываться за меня.

— Ты считаешь, это сделал я?

— Я не знаю. Ты не отвечаешь.

— Значит, мы дошли до того, что моя жена записывает меня в подозреваемые.

— Ты сам туда себя поставил, когда решил, что мне нельзя задавать вопросы.

Глеб отвернулся к окну. Снизу донёсся звук задней передачи грузовика — прерывистый, настойчивый, совершенно неуместный в их спальне. Анна заметила, что у мужа на воротнике рубашки распустилась крошечная нитка. Обычно она поправила бы её, не задумываясь. Сейчас руки остались неподвижны.

— Я уеду на несколько часов, — сказал он. — Не делай ничего необратимого.

— Что именно ты считаешь необратимым?

Он уже взялся за дверную ручку.

— Иногда достаточно одного письма, Аня.

Когда дверь закрылась, Анна не сразу повернула голову к ноутбуку. Она стояла у стола и смотрела на пустую чашку, оставленную мужем. На белом фарфоре темнело колечко кофе, похожее на небольшой отпечаток. Десять лет рядом с Глебом научили её узнавать настроение по таким мелочам. Но не научили отличать предупреждение от угрозы.

Она открыла рабочую почту, сохранила найденную переписку в отдельную папку, не стирая исходных сообщений, и записала время разговора. Не потому, что хотела превра-

тить свой дом в место расследования. Просто понимала: завтра Глеб мог сказать, что никогда не произносил ни одного из этих слов, а она снова начнёт сомневаться в собственном слухе.

Наконец Анна снова открыла сообщение Романа и нажала вызов. Он ответил на первом гудке.

— Как ты?

Вместо ответа она спросила:

— Что Ирина собиралась передать тебе в тот вечер?

Роман помолчал.

— Материалы проверки. Она считала, что кто-то в её компании подделывает согласования и выводит деньги через подрядчиков.

— Через мою студию?

— Возможно, через документы с её названием. Пока не знаю, насколько далеко это зашло.

Анна почувствовала холод под рёбрами.

— Ты знал, что это компания моего мужа?

— Нет. До вчерашней ночи — нет. Она говорила о «Меридиане». Ты никогда не называла мне ни название, ни фамилию Глеба.

— А ты знал Ирину давно?

— Несколько лет. Когда-то мы пересекались на финансовой проверке. Она позвонила мне три дня назад. Боялась идти к руководству с тем, что обнаружила.

— И ты не сказал ей, что у тебя в этой компании работает

жена?

Он не ответил сразу.

— Она знала. И именно поэтому попросила меня не говорить с Кристиной о документах. Я обещал. Аня, я понимаю, как плохо это звучит сейчас.

Анна подошла к окну.

— Ты действительно был у адвоката?

— Да. Я передал его номер следователю. Мы встречались в кафе неподалёку. Там были люди, камеры, чек. Это проверят.

Голос Романа звучал уставшим, но спокойным. Анне хотелось положиться на него, и именно поэтому она заставила себя спросить ещё:

— Почему оставил Ирину одну в квартире?

— Она попросила закончить опись документов, пока я встречаюсь с адвокатом. Я должен был вернуться к девяти. А когда вернулся...

Он оборвал фразу. Анна услышала, как где-то рядом хлопнула дверь.

— Я разговаривал с ней за несколько часов до того, как её убили, — сказал он наконец. — Она нервничала, но у неё даже мысли не было, что кто-то придёт туда. Я должен был догадаться.

— Не говори так.

— Почему? Ты ведь тоже себя винишь. За то, что не приехала раньше.

Анна закрыла глаза. Откуда он знал?

— Потому что я видел твоё лицо, когда вошёл, — тихо ответил Роман на невысказанный вопрос. — Ты смотрела на неё так, будто ещё можно что-то исправить.

Ей пришлось присесть на край кровати.

— Ром, я не знаю, что происходит. Я боюсь, что меня втягивают в чужую историю.

— Ты уже в ней. Но я не собираюсь делать вид, что это обычные неприятности. Скажи только, что тебе сейчас нужно.

Она долго молчала.

— Правда, — ответила Анна. — Даже если она мне не понравится.

— Тогда никаких удобных версий. С моей стороны — точно.

После звонка Анна положила телефон на одеяло. За дверью шёл обычный домашний день: вода в ванной, звонок курьеру, шаги Глеба в коридоре.

Но впервые она ясно почувствовала, что в собственном доме ей придётся опасаться вопросов гораздо сильнее, чем в кабинете следователя.

Глава 8. Последний спокойный вечер

За два дня до убийства

Роман обещал приготовить ужин сам, и Анна заранее приготовилась сочувственно хвалить результат.

Она приехала после работы, без платья и каблуков, в широких брюках, тонком свитере и с бумажным пакетом, в котором лежали две бутылки минеральной воды, лимоны и настоящая итальянская паста. Роман открыл дверь с кухонным полотенцем через плечо.

— Пожалуйста, скажи, что ты принесла что-то съедобное, — попросил он.

— А что у тебя?

— Очень смелая идея.

За его спиной пахло чесноком и чем-то подгоревшим. Анна прошла на кухню, заглянула в сковороду и рассмеялась.

— Это было мясо?

— Несколько минут назад. Теперь, вероятно, уголь.

— Серьёзно, Ром, чем ты обычно питаешься?

— На переговорах.

Она убавила огонь, открыла окно и забрала у него лопатку. Роман наблюдал за ней с таким видом, будто восхищался исключительно профессионализмом.

— Ты ведь специально, — сказала Анна.

— Что именно?

— Сожжёт ужин, чтобы готовила я.

— Мне бы хватило ума сделать это красиво.

Они заказали еду. Пока ждали курьера, Анна сидела на кухонной столешнице и рассказывала о заказчице, которая потребовала «приглушённый, но максимально яркий свет». Роман стоял между её коленями, положив ладони по обе стороны, и слушал, улыбаясь лишь в тех местах, где было действительно смешно.

Пока они ждали доставку, Анна заметила на подоконнике папку с детскими рисунками. На одном был дом с неправдоподобно большой трубой, рядом — четыре человека под одним зонтом. Рисунок был старый, бумага пожелтела на сгибе.

— Ты хранишь детские работы клиентов? — спросила она.

Роман обернулся.

— Моей племянницы. Ей было шесть, когда она нарисовала нашу семью. Четыре человека — это я, сестра, она сама и какой-то таинственный мужчина, которого никто из нас не опознал.

— А жена там не нарисована?

— Кристина тогда была в командировке. Племянница решила, что если человек не пришёл на день рождения, то и под зонтом ему места нет.

Анна бережно вернула лист на место.

— Дети справедливее взрослых.

— Дети жестче, — возразил Роман. — Взрослые умеют хотя бы притвориться, что всё поняли.

Он потянулся за рисунком, но вместо того чтобы убрать, поставил его к стене.

— Сестра смеётся, что я храню бесполезные вещи. Билеты, открытки, фотографии, записки из гостиниц. Она думает, что это профессиональная деформация: у меня же всё должно подтверждаться документами.

— И правда должно?

— На работе — да. Дома, оказывается, нет. Иногда бумага просто напоминает, что однажды было хорошо.

Анна стояла у окна, держа бокал воды. Ей захотелось спросить, хранит ли он фотографии своей жены. Спросить, скучает ли. Вспоминает ли её жесты, когда ставит чашку, или любимую музыку. Но она понимала, что ответы могут оказаться неприятными, а право на неприятные ответы появилось задолго до их знакомства.

— У нас с Глебом почти нет вещей из первых лет, — сказала она. — Когда купили большую квартиру, он нанял людей, которые всё упаковали и разложили. Старую мебель мы раздали. В какой-то момент я поймала себя на том, что не знаю, куда делась фотография с нашей первой поездки в Петербург.

— Ты спрашивала его?

— Да. Он сказал: «Закажем новую фотосессию». Пред-

ставляешь? Как будто можно повторить тот дождь и ту смешную гостиницу, где горячая вода включалась только ночью.

Роман ничего не сказал. Не пожаловался на Глеба вместе с ней, не предложил собственную версию счастливого брака. Анна вдруг почувствовала, насколько непривычно разговаривать с человеком, который не спешит превратить её историю в повод для сравнения.

— А если бы можно было что-нибудь вернуть, — спросил он, — ты бы вернула фотографию или те чувства?

— Фотографию. Чувства не вернёшь по заказу. И я не уверена, что хочу их в прежнем виде.

Зазвонил домофон. Роман пошёл открывать курьеру, а Анна аккуратно придвинула рисунок племянницы дальше от края подоконника. Она думала, что чужая квартира иногда рассказывает о человеке больше, чем его признания. Не дорогие часы, не квартира на престижной улице, а то, что он не выбрасывает некрасивый детский дом и не стыдится об этом говорить.

Когда Роман вернулся с бумажным пакетом, Анна протянула ему два прибора и неожиданно сказала:

— Я хотела спросить, не будешь ли ты потом жалеть о нас. Он поставил пакет на стол.

— Буду жалеть, если мы начнём лгать друг другу так же, как нашим супругам. Но не могу обещать, что никакой боли не будет.

— Это пугает.

— Меня тоже.

— Ты можешь хотя бы иногда говорить что-то обнадеживающее?

— Конечно. Курьер положил двойную порцию десерта. Видишь, вечер ещё способен на сюрпризы.

Анна рассмеялась. И всё-таки странным образом именно этот разговор дал ей больше надежды, чем любое заверение в вечной любви. Человек рядом не требовал, чтобы она не замечала риск. Он признавал его и оставался.

На кухне зазвучала музыка из соседней квартиры — негромко, сквозь стену. Анна не смогла разобрать ни слов, ни мелодии, только ровный ритм. Роман прислушался и сказал, что по вечерам у соседей занимается дочь: готовится поступать в музыкальный колледж, поэтому иногда по три часа играет одно произведение.

— И ты не жалуешься?

— Один раз постучал в стену. Она постучала в ответ. На этом мы заключили мирный договор.

— Сомнительная дипломатия для консультанта.

— Зато работает без юристов.

Анна улыбнулась. Она привыкла к квартире, где музыка включалась по просьбе хозяина и всегда была достаточно тихой, чтобы не мешать его телефонным разговорам. Здесь можно было слышать чужое пианино, лифт, воду в соседнем санузле. Квартира Романа не казалась ей особенно красивой, но в ней жили, а не поддерживали впечатление о том, как

положено жить.

— Когда я была маленькой, — сказала она, — отец учил меня чертить план нашей квартиры. Сказал, что любой дом начинается с того, как люди в нём ходят. Я нарисовала коридор такой широкий, что он занимал половину листа. Отец спросил, зачем. Я сказала: чтобы мы с мамой могли идти рядом и не толкаться.

Роман смотрел на неё с любопытством.

— И что он сказал?

— Что в нашей квартире столько места не найдётся. А потом взял другой лист и нарисовал дом, в котором был огромный коридор. Просто потому, что мне этого хотелось.

Она давно не вспоминала ту сцену. Отец работал инженером, умел объяснить любую сложную вещь через линейку и лист бумаги. Тогда Анна впервые поняла, что пространство можно придумывать так, чтобы человеку было в нём лучше. Позже, выбирая профессию, она утверждала, что любит материал, свет, пропорции. Но на самом деле любила тот детский опыт: кто-то услышал её желание и не объявил его глупостью.

— Это многое объясняет, — сказал Роман.

— Например?

— Почему ты так рассердилась, когда я предложил оставить мой офис тёмным и просто купить дорогую лампу.

— Потому что это действительно было глупостью.

— Не спорю. Я теперь каждый вечер включаю свет, ко-

торый ты выбрала, и думаю, что полгода сидел в пещере за большие деньги.

За четыре дня до этого они затеяли маленькую перестановку. У старой тяжёлой настольной лампы искрил выключатель. Роман собирался вызвать мастера, но Анна настояла, чтобы до проверки её не включали. Они завернули лампу в защитную бумагу, заклеили коробку и убрали в узкую кладовую возле кухни. Анна даже написала маркером «СВЕТ — НЕ ВКЛЮЧАТЬ», а потом по привычке сфотографировала помещение до и после перестановки: дизайнеры не умеют просто передвигать мебель, не оставляя себе на память два снимка.

Вместо неё на столе возле окна появился тонкий светильник с мягким рассеянным светом. Роман сказал, что старая лампа выглядела солиднее. Анна ответила, что солидность не должна пахнуть перегретым пластиком. Они поспорили, посмеялись и забыли. Квартира стала светлее, а захламлённая кладовая — ещё теснее.

Анна поднялась, чтобы взять из пакета десерт. Роман последовал за ней, нашёл две маленькие ложки. Они ели прямо из картонной коробки, стоя возле окна, как подростки, которым не позволили пользоваться красивой посудой.

— Знаешь, что мне страшно? — неожиданно спросила она. — Не то, что Глеб узнает. Я понимаю, что это рано или поздно случится. Мне страшно, что мы с тобой сейчас нравимся друг другу в каком-то особенном времени, а в обыч-

ной жизни окажемся невыносимыми.

— Очень вероятно, — серьёзно ответил Роман. — Я, например, не умею аккуратно складывать пакеты. И оставляю книги раскрытыми лицом вниз.

— Ужасно.

— И не люблю долго выбирать шторы.

— Последнее уже непростительно.

Они рассмеялись. Роман перестал улыбаться первым.

— Я не знаю, какими мы окажемся в обычной жизни. И не хочу выдавать тебе гарантий. Но если мы когда-нибудь до неё доберёмся, мне бы хотелось узнавать это честно. Не тайными встречами и не попыткой доказать кому-то, что мы сделали правильный выбор.

Анна поставила коробку на стол. Ей захотелось признать: сая, что иногда она уже представляет эту обычную жизнь: два ключа на полке, вопрос, какой хлеб купить, разговоры об усталости. Эти мечты пугали сильнее больших признаний. Они походили на планы, а планы приходилось либо осуществлять, либо отменять.

— Тогда пока оставим десерт, — сказала она. — Хотя бы его мы точно выбрали вместе.

Роман коснулся её плеча, но не стал притягивать к себе. За стеной соседка снова начала трудный музыкальный пассаж, не попав в одну ноту, остановилась и начала сначала. Анна почему-то почувствовала к этой незнакомой девушке большую нежность.

— А ты? — спросила она. — Чем закончились твои переговоры?

— Никто никого не посадил. Уже неплохо.

— Стандартная шкала успеха для финансиста?

— На этой неделе да.

Он выглядел усталым. Под глазами появились тени, которых она не замечала раньше.

— Ты последнее время всё время о чём-то думаешь, — сказала Анна.

— У меня запутанная работа.

— Ты так говоришь, будто я прошу показать банковские счета.

— Не прошу, — согласился он и провёл пальцем по её запястью. — Но там одна неприятная история. Пока не закончу с ней, даже говорить толком не о чем.

Анна хотела спросить подробнее. Но Роман не скрывал телефон, не исчезал посреди разговора, не требовал верить ему без объяснений. Она решила, что имеет право хотя бы на небольшую осторожность.

— Я могу тебе чем-то помочь?

— Можешь перестать смотреть на меня так, будто я вот-вот пойду и признаюсь в преступлении.

— Не обещаю.

Он засмеялся, но через несколько секунд снова стал серьёзным.

— Аня, мы с тобой скоро окажемся в точке, где придётся

принимать решения.

— Ты о моей семье?

— И о моей. Я подал документы на развод. Кристина знает. С этим не будет быстрого и красивого финала.

Анна посмотрела на него.

— Ты не спрашивал, собираюсь ли разводиться я.

— Это не решение, которое я вправе принимать за тебя.

— А ждать будешь?

Роман прислонился лбом к её лбу.

— Я не знаю, сколько умею ждать. Но знаю, чего не хочу: чтобы ты уходила из брака только ради того, чтобы прибежать ко мне. Тогда однажды будешь думать, что я отнял у тебя возможность выбирать.

Она медленно положила ему руку на шею.

Телефон Анны беззвучно загорелся на подоконнике. Незнакомый московский номер, второй пропущенный вызов за сутки. Она смахнула уведомление: в последние дни ей постоянно звонили поставщики и люди с рекламными предложениями. Номер исчез из поля зрения, но остался в журнале звонков — рядом с другими неизвестными номерами, которые Анна не собиралась проверять в этот вечер.

— Иногда мне кажется, что ты всё правильно говоришь заранее. Чтобы у меня не осталось поводов возразить.

— Сейчас могу сказать глупость, если поможет.

— Например?

— Что надеюсь когда-нибудь сжечь ужин уже в нашей кух-

не.

Анна рассмеялась, но смех быстро сменился чем-то другим, щемящим. Она хотела ответить «и я». Не смогла. Слишком рано, слишком опасно, слишком похоже на счастье, за которое обязательно предъявят счёт.

Позже Роман попытался найти в шкафу чистые тарелки и обнаружил, что одна полка занята коробкой с документами, а другая — старыми кружками. Анна без спроса переставила кружки ближе к раковине. Он посмотрел на её руки и сказал:

— Осторожнее. Сейчас начнёшь менять весь мой интерьер.

— Нет. Я не работаю бесплатно.

— Назови цену.

— Один нормальный кухонный нож и обещание больше не обжаривать мясо до состояния строительного материала.

— Слишком дорогой договор.

Она развернулась к нему и вдруг заметила, что действительно ведёт себя в этой квартире как дома: ищет полотенце, знает, где стоят стаканы, не спрашивает разрешения открыть окно. В доме Глеба она тоже имела право делать всё это. Только там любое её движение заранее укладывалось в расписание прислуги, охраны, приезда гостей. Здесь ей пришлось вытирать стол собственным рукавом, потому что салфетки внезапно закончились. И это не раздражало.

Роман достал из ящика блокнот, вырвал лист и написал крупными буквами: «Нож, салфетки, не сжигать мясо».

— План улучшений, — сообщил он.

— А у тебя никогда не было плана на личную жизнь?

Он задумался.

— Был. В двадцать пять казалось, что к тридцати я буду знать, чем хочу заниматься, к тридцати пяти — где жить. К сорока собирался перестать экономить на отпуске. А потом понял, что люди, с которыми планируешь отпуск, могут перестать хотеть ехать с тобой.

— Звучит печально.

— Не обязательно. Иногда это означает, что пора написать новый список.

Анна взяла ручку и под его аккуратными пунктами написала: «Купить лампу, которую не стыдно включать». Роман засмеялся.

— Эта лампа мне нравится.

— Она светит как допросная. Я из профессиональной солидарности против.

Он обнял её со спины и положил подбородок на плечо. В тёмном окне отражались они вдвоём, а за ними — небранные коробки, раскрытый блокнот, одинокий детский рисунок у подоконника. Анне пришло в голову, что счастливый день вовсе не обязан быть подготовленным. Иногда он складывается из забытых продуктов, испорченного ужина и молчания человека, с которым не нужно бороться за каждую минуту внимания.

— Тебе не страшно? — спросила она тихо.

— Очень.

— Не похоже.

— Я хорошо умею выглядеть спокойно, когда не понимаю, что делать дальше.

Она повернулась в его объятиях.

— Тогда мы оба большие специалисты.

Роман поцеловал её, сначала коротко, потом ещё раз, не спеша. Анна не торопилась отстраняться. Здесь, на кухне с неудачной лампой, ей хотелось задержать время, хотя она прекрасно знала, что за полночь оно не станет менее настоящим.

В тот вечер она осталась до полуночи. Они ели из картонных коробок, спорили о музыке и медленно танцевали в комнате без музыки, потому что Роман не смог найти зарядку от колонки. В какой-то момент он поднял её руку и поцеловал внутреннюю сторону запястья.

— Ты так смотришь, — шепнула Анна, — будто мы уже много лет вместе.

— Нет. Если бы много лет, я знал бы, что ты терпеть не можешь кинзу.

— Я тебе три раза говорила.

— Видишь? Пока ещё учусь.

Она опустила голову ему на плечо. За окнами по Лесной шли машины, на соседнем фасаде мигала красная вывеска круглосуточной аптеки. На секунду Анна представила себе обычное утро с этим человеком: два кофе, открытое окно,

разбросанные счета, спор из-за того, кто снова не вынес мусор.

Ей захотелось этого сильнее, чем любой роскоши, которую когда-либо предлагал Глеб.

— В среду сможешь приехать к девяти? — спросил Роман, когда она уже надевала пальто.

— Постараюсь. А что?

— Будет непростой день. Я встречаюсь с человеком по работе. Надеюсь, к вечеру всё прояснится.

— Тогда привезу тебе нормальный ужин.

— Это угроза моей кулинарии?

— Это забота о твоём здоровье.

Он проводил её к лифту. Анна вернулась, уже нажав кнопку, и поцеловала его ещё раз — без оглядки, без привычного вопроса о времени.

— Я больше так не могу, — неожиданно сказала она.

Роман сразу посерьёзшел.

— Как?

— Постоянно искать причину, почему могу остаться с тобой только на два часа. Но я не знаю, что с этим делать.

— Не решай сегодня, — ответил он. — Только не делай вид, что тебе всё равно.

По дороге домой Анна остановилась на светофоре и поймала себя на том, что улыбается.

Она не знала, что это их последний спокойный вечер. Не знала, что через два дня станет вспоминать каждое слово,

пытаясь понять, было ли в них предупреждение.

А Роман, оставшись один, вернулся к кухонному столу, открыл письмо от Ирины Мальцевой и перечитал последнюю фразу:

«Если завтра меня начнут убеждать, что я ошиблась, попрошу тебя не отступать».

Он набрал ответ: «Не отступлю».

И долго не нажимал отправить.

Глава 9. Я всё знаю

На следующий вечер после убийства Глеб пришёл в спальню с серой папкой.

Анна успела принять душ и переодеться, но сон так и не вернулся. Ей казалось, что стоит закрыть глаза, и она снова увидит чужую руку на паркете. Поэтому она читала рабочую переписку, не понимая половины предложений.

Глеб положил папку на кровать. Из неё выскользнули фотографии.

На первой Анна стояла возле дома на Лесной улице. На второй Роман придерживал для неё дверь автомобиля. На третьей они сидели в кафе; его ладонь лежала поверх её руки. Снимки были сделаны издалека, не очень чёткие, но узнать себя было легко.

— Это что? — спросила Анна.

— Ты сама видишь.

— Ты нанял человека следить за мной?

— Я хотел понять, что происходит.

— Спросить меня было нельзя?

Глеб сел в кресло у окна. Он всегда выбирал это кресло для сложных разговоров, словно в кабинете для совещаний: достаточное расстояние, свободные руки, хороший обзор.

— Я спрашивал, почему ты стала поздно возвращаться. Ты говорила, что работаешь.

— И решил заказать слежку.

— Аня, мы можем ещё долго спорить о методах. Я хочу знать одно: ты влюблена в него?

Вопрос прозвучал так просто, что Анна едва не ответила сразу. Потом посмотрела на снимок, где Роман держал её за руку.

— Да, — сказала она.

Глеб медленно выдохнул. Не закричал, не ударил ладонью по подлокотнику, даже не отвёл взгляда.

— Понятно.

— Сколько времени ты знаешь?

— Достаточно.

— Неделю? Две?

— Какая разница?

— Большая. Ты всё это время приходил домой и делал вид, что ничего не происходит.

— Ты сейчас обвиняешь меня в том, что я не устроил скандал?

— Я спрашиваю, зачем тебе понадобились фотографии.

Глеб взял одну и разгладил край.

— Мне нужен был факт. Теперь он есть. Не думал, что придётся обсуждать твои отношения с другим мужчиной в тот день, когда в его квартире убили моего сотрудника.

Он произнёс «моего сотрудника» без запинки. Анна почувствовала, что это выражение раздражает её даже больше, чем обвинение.

— Ты знал Ирину?

— Разумеется. Не близко. Она работала во внутреннем аудите.

— И никогда не слышал от неё жалоб?

— Какие-то замечания были. Для того аудит и существует.

— Она собиралась раскрыть финансовые нарушения.

Глеб чуть заметно поднял голову.

— Кто тебе сказал?

— Роман.

— Конечно. Он же теперь главный источник истины в нашем доме.

— Глеб, она мертва. Ты можешь хотя бы раз ответить на вопрос, не пытаюсь унижить меня?

Он встал и прошёлся по комнате.

— Хорошо. Я отвечу. Да, у Ирины были вопросы к отдельным договорам. Они проверялись. Нет, я не знаю, кто её убил. И нет, я не собираюсь обсуждать корпоративные документы с человеком, который получил ключи от квартиры моего любовного конкурента.

Анна промолчала. Он остановился у окна.

— Послушай, — сказал Глеб уже другим голосом. — Я не собираюсь разрушать десять лет из-за одного месяца. Люди делают ошибки. Я тоже не святой. Если мы захотим, сможем это пережить.

— «Тожe не святой» — это признание?

— Это признание, что я взрослый человек, который понимает: брак бывает сложным.

Он вернулся к кровати и собрал фотографии.

— У меня есть предложение. Ты прекращаешь отношения с Берестовым. Не вмешиваешься в дела компании и не обсуждаешь их с полицией без моего адвоката. Я позабочусь, чтобы никакие подробности твоей истории не попали наружу. Мы возьмём отпуск, уедем куда захочешь. Попробуем начать заново.

— Ты сейчас предлагаешь мне отпуск в обмен на молчание?

— Я предлагаю защитить нашу семью.

— От кого?

Глеб не ответил. Его взгляд скользнул к закрытому ноутбуку на тумбочке.

— От людей, которые воспользуются твоей доверчивостью, — сказал он наконец. — Ты знаешь Берестова меньше месяца. А он уже вовлёк тебя в историю с убийством. Подумай, насколько хорошо понимаешь, кто он такой.

Анна взяла одну фотографию и повернула к себе. Роман смотрел на неё так, как Глеб не смотрел уже много лет. Но фотографии делали даже эту память сомнительной: где был фотограф, сколько раз за ними наблюдали, почему ничего не заметили?

— Я не буду обещать, что перестану с ним встречаться, — сказала она.

Глеб неподвижно смотрел на неё.

— Ты ещё не поняла, насколько всё серьёзно.

— Наоборот. Кажется, впервые поняла.

Он оставил папку на комодe и вышел. Через минуту в коридоре раздался звук телефонного разговора: муж говорил негромко, и слов было не разобрать. Затем хлопнула входная дверь.

Анна подошла к окну. Во дворе Глеб сел в машину, которую обычно не водил сам, и быстро выехал со стоянки.

Она вернулась к фотографиям. На обороте верхней стояла дата, за неделю до убийства. Она перевернула следующую. Другая дата, другой ракурс.

Фотограф следил за ними не менее десяти дней.

Анна вспомнила вечер, когда Глеб неожиданно спросил, не хочет ли она поехать с ним за город. Тогда ей показалось, что он наконец заметил её одиночество. Теперь она попыталась вспомнить, на какой день приходилось предложение.

На обороте третьей фотографии стояла именно эта дата.

Она почувствовала тошноту. Пока она мучилась виной и пыталась разобраться в чувствах, Глеб уже знал и разыгрывал семейную жизнь по собственному сценарию.

Она перевернула ещё два снимка. На одном они с Романом стояли возле метро; на другом он придерживал для неё дверь кафе. Для постороннего эта пара выглядела почти скучно. Два взрослых человека в пальто, не демонстрирующие друг другу ничего такого, чего нельзя увидеть каждое

утро на любой улице. Странно было думать, что ради этих фотографий кто-то часами сидел в машине, пил остывший кофе и ждал, когда она сделает что-нибудь достаточно компрометирующее.

Анна стала раскладывать снимки по датам. Это было движение, знакомое по работе: сначала черновой порядок, потом подробности. Первая фотография была сделана тогда, когда она ещё не решилась поцеловать Романа. На ней они разговаривали у витрины. Через несколько дней появилась съёмка возле его дома, ещё позже — вечером после ужина. В конце лежала фотография их рук, соединённых на столе.

К каждому конверту прилагались короткие записи: время, адрес, номер машины. Достаточно точные, чтобы понять — наблюдение было оплачено задолго до того, как Глеб назвал происходящее «ошибкой одного месяца».

В одном из конвертов лежал снимок у дома на Лесной: Анна входила в подъезд, прикрыв лицо воротником. Под ним стояла дата и время, примерно совпадавшее с её обычными вечерними встречами с Романом. На обороте была пометка частного детектива о повторяемости маршрута. Анна тогда ещё не поняла, что по этим отчётам чужой человек мог угадывать, когда она появится у Романа в следующий раз.

Анна села на край кровати и неожиданно вспомнила собственную прошлую весну. Она тогда хотела купить подержанный автомобиль, чтобы не зависеть от водителя Глеба. Муж выслушал расчёты и сказал, что это глупая трата: ма-

шина, страховка, обслуживание, парковка. В качестве компенсации предложил оплачивать ей такси. Она согласилась, потому что спорить из-за самостоятельной поездки показалось унижительно мелким.

Теперь она подумала о том, что независимость редко исчезает сразу. Сначала другой человек предлагает удобство. Потом объясняет, что твоё решение невыгодно. Потом ты сама перестаёшь видеть смысл решать. И однажды обнаруживаешь, что кто-то без спроса знает каждый адрес, по которому ты ездила.

Она открыла банковское приложение. Карта, которой расплачивалась за обычные покупки, была дополнительной к счёту Глеба. Отдельный личный счёт существовал, но Анна давно пользовалась им лишь для расходов студии и переводов себе небольших сумм. Это была не бедность и не юридическая несвобода; скорее привычка, которую она годами считала доказательством доверия.

На экране появилось уведомление: «Платёж подтверждён». Глеб оплатил ежегодную страховку её телефона. В обычный день Анна поблагодарила бы его за внимательность. Сегодня смотрела на уведомление и думала, как легко забота становится способом напомнить о присутствии человека.

Она взяла блокнот с прикроватной тумбочки и составила список. Не драматический план побега, а практические действия: проверить личные счета, отделить рабочую электрон-

ную почту от семейных устройств, забрать копии договоров студии, поговорить с адвокатом. Рядом с последним пунктом поставила вопросительный знак. Ей пока казалось чрезмерным приглашать постороннего специалиста для обсуждения собственной семейной жизни.

Потом она вспомнила, как Глеб просил не говорить с полицией без его адвоката, и вопросительный знак исчез.

Зазвонил домашний телефон. Он почти никогда не звонил; им пользовались разве что сотрудники управляющей компании. Анна подождала. На шестом сигнале раздался щелчок автоответчика, и знакомый голос домработницы сообщил, что завтра придёт позже: у дочери назначена консультация врача. Домработница попросила не передавать подробности Глебу, он «начнёт устраивать расписание». Анна услышала в этой фразе такое привычное, почти ласковое раздражение, что ей стало смешно.

Смешно и страшно одновременно. Даже женщина, которая приходила в их дом два раза в неделю, научилась сообщать хозяйке то, что лучше не передавать хозяину.

Анна перезвонила и сказала, что уборку можно отложить. Потом попросила не переставлять ничего в её рабочем кабинете. Там лежали папки с эскизами и оригиналами переписки; раньше ей никогда не приходило в голову объяснять, что эти бумаги принадлежат ей.

— Всё в порядке? — спросила домработница.

Анна посмотрела на фотографии.

— Нет. Но я разбираюсь.

Когда разговор закончился, в спальне стало тихо. За стеной гудел холодильник, с улицы доносился сигнал машины. Она собрала фотографии в папку, не пытаясь уничтожить или спрятать их. Хотелось сделать хотя бы одну вещь не из стыда. Снимки показывали, что она изменяла мужу. Это правда. Они также показывали, что муж следил за ней. Это другая правда. Одна не делала другую приемлемой.

Она записала даты из конвертов и сфотографировала их с видимыми подписями. Не для того, чтобы немедленно устроить новый скандал. Если однажды Глеб заявит, что узнал обо всём случайно накануне убийства, у неё останется возможность проверить его слова.

Среди фотографий была и старая, снятая из коридора через открытую дверь квартиры Романа. Чёткой картины комнаты она не давала, но в проёме угадывались стол у окна и массивная лампа. Анна отметила снимок как нарушение их частной жизни, не как улику. В день, когда он был сделан, лампа ещё действительно стояла на столе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.